

Юный Натуралист

ISSN 0205 - 5767

1993

2

РОДИЧИ ДИНГО

Этот заголовок напоминает о дикой собаке динго, обитающей в далёкой Австралии. Это известно многим. А знаете ли вы луговую собачку, живущую в прериях Северной Америки? Любопытный зверек, но к собакам он не имеет

никакого отношения, он приходится родственником... белке. Ну, а кто же относится к собакам? На этот, казалось, несложный вопрос, ответит далеко не каждый взрослый, мы же с вами попробуем в нем разобраться.

Волка знают все. Он — герой многих сказок, басен и фильмов. К тому же волк — самый крупный представитель собачьих. Зверь этот стайный. Причем в стае все родственники, лишь изредка допускаются в нее молодые самцы. Его обыкновенная пища — копытные, к сожалению, нередко и домашние. И хотя говорят иногда о волке как о санитаре, выбраковывающем слабых и больных животных, немалый урон наносит этот умный и хитрый зверь сельскому хозяйству. Тундра, лесостепи, степи, полупустыни — любимые места его обитания. Волк задирает всех, кого может: лосей, оленей, косуль, кабанов. Не брезгует он и зайцами, сусликами и даже мышевидными. При случае съест и сородича: лисицу, песца, корсака, а то и ослабевшего собрата.

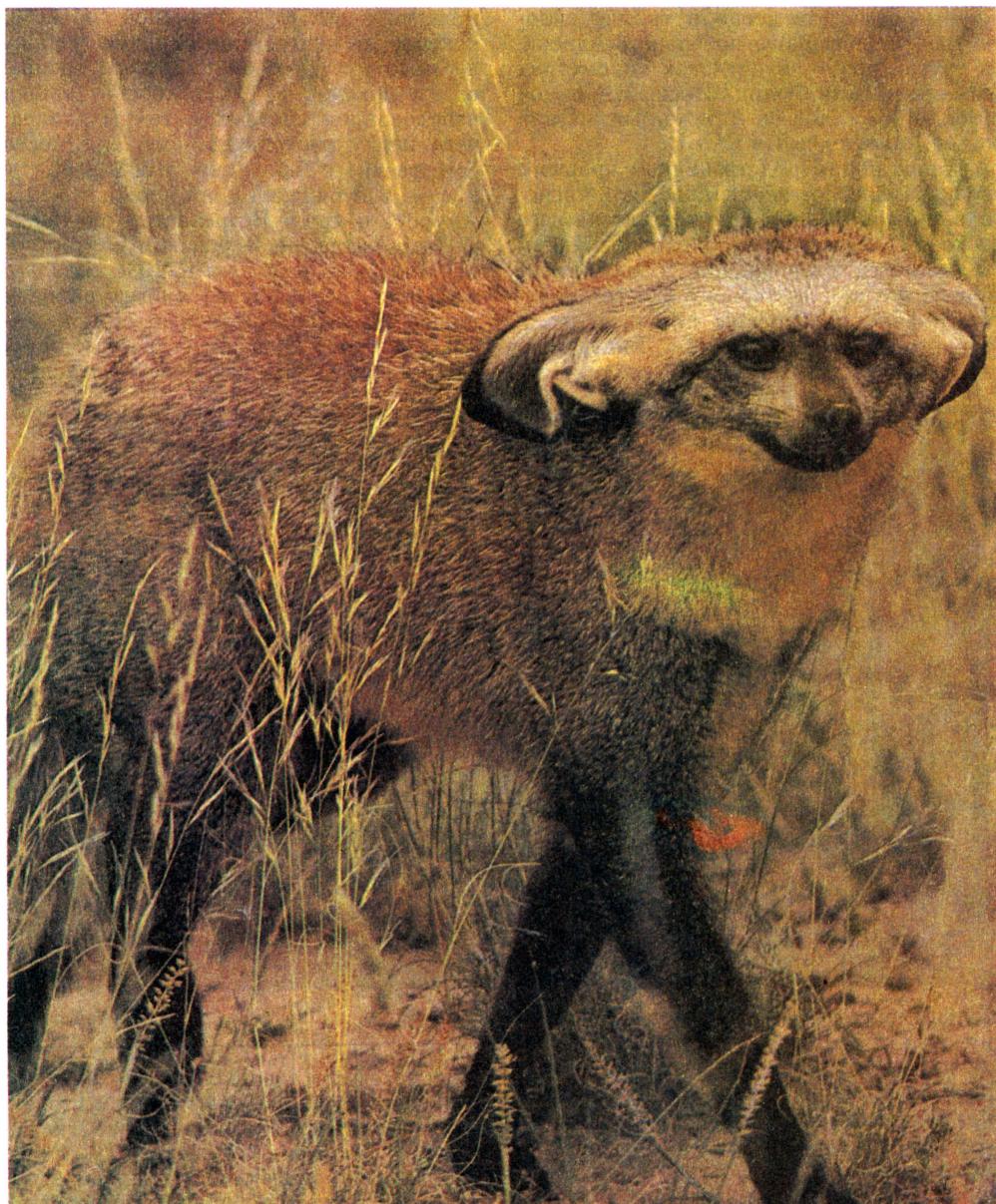
Брат волка койот, или луговой волк, заселил всю центральную часть Северной Америки вплоть до Аляски. Несмотря на стремление человека уменьшить его численность, койот процветает. По размерам он значительно уступает волку. Живет, как и последний, на открытых местах, питаясь зайцами, кроликами, птицами, не отказывается от ящерицы, ест рыбу и даже плоды. Людей койот не трогает и очень редко нападает на домашних животных. В национальных парках Америки он настолько привык к посетителям, что не боится принимать пищу из рук. Уничтожая множество грызунов, койоты приносят большую пользу.

Обыкновенного волка, койота и шакала мы знаем, но существуют и довольно редкие виды волков. В Южной Америке, например, обитает чрезвычайно оригинальный гривистый волк. Он похож на лисицу, но только на длинных ногах. Шерсть у него желтовато-рыжей окраски, темная в нижней части туловища и на ногах и очень светлый хвост с белым концом. На верхней части шеи и холке шерсть образует стоячую гриву, за что этот волк и получил свое название. Оригинален не только его внешний вид, но и пища. Представьте себе, он любит орехи, фрукты и сахарный тростник!

Есть еще и рыжий волк, живущий на юге Северной Америки.

К собакам относятся и все виды лисиц. Лучше всех вам знакома наша рыжая лисица. Оказывается, она не только наша. Ее можно встретить в Европе, Северной Африке, Азии, Северной Америке. Численность лисиц колеблется по годам и зависит от количества грызунов — основной их пищи. Как подсчитали учёные, в рацион лисиц входит более 300 видов животных и десятки видов растений. Лисица быстра, ловка, хитра, умна, а если кто видел мышющую лисицу, наверняка восхищался ее грациозностью. Размеры лис различны. Если рыжая лиса достигает 90 сантиметров длины (без хвоста), то карликовая лисица, обитающая в западной части Северной Америки, почти вдвое меньше. Карликовой лисици природы наделила очень крупными ушами. Но чемпионом по величине ушей, конечно, является фенек. У этой очень маленькой симпатичной лисички при высоте в плечах 31 сантиметр уши достигают 15 и более сантиметров. Вот это уши! Зачем же они ей такие? А чтобы лучше слышать — и приближающегося врага, и пытающуюся скрыться добычу. Охотится фенек только ночью, днем отсиживается в норе.

В Юго-Восточной Европе, в степях, полупустынях и пустынях Азии встречается тускло окрашенная лисичка корсак, у которой есть любопытная черта. Увидев, что ей не скрыться от преследующего ее охотника, она ловко прикидывается мертвой. Очень редкое животное — афганская лисица. Ее биология совершенно не изучена. Свою особенность имеет и большеухая лисица, у которой в отличие от прочих собачьих 48 зубов! А уши не только большие (до 14 сантиметров), но и широкие. Вид этот сильно истреблен. Серая лисица обитает в Америке. Она интересна тем, что является единственным представителем собачьих, умеющим хорошо лазить по деревьям, за что в некоторых местах ее прозвали древесной лисицей. По стволу она свободно добирается до кроны, ходит

по сучьям, на них же устраивается на отдых. Больше других лисиц любит растительную пищу.

Несколько слов о песце, единственном представителе рода песцов. В некоторых странах он известен под названием полярная лисица. Арктика и субарктика — вот его родина. Там, где его не тревожат, он по многу лет живет в одних и тех же

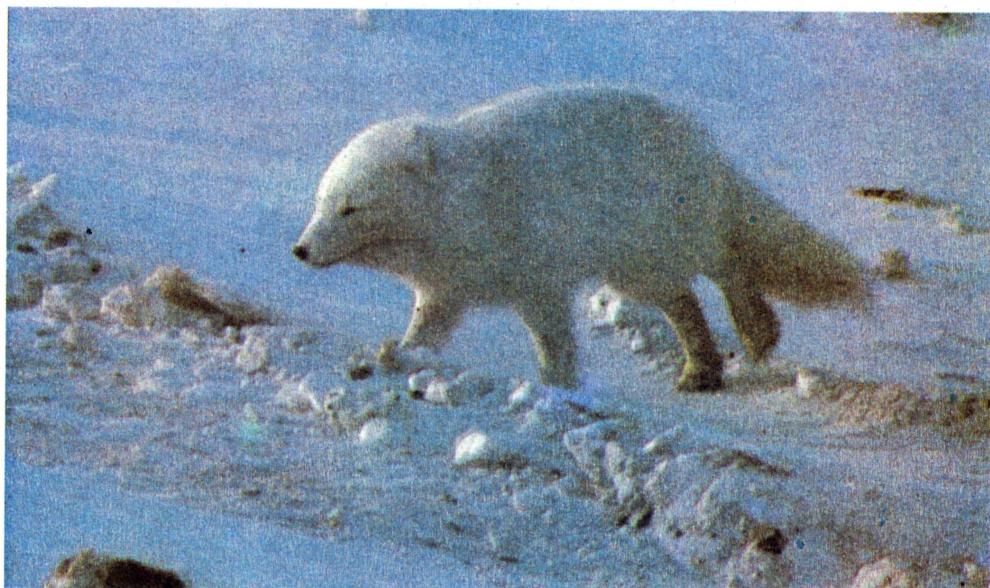
Большеухая лисица.

норах, принося ежегодно по 8-9 детенышей. От лисиц его отличает более приземистое тело и укороченные уши. Песец великий путешественник. Зимой он проходит огромные расстояния по замерзающему морю. Однажды американские

ученые заметили песца в тысяче километров от северного побережья Аляски, в другой раз — в пятистах километрах севернее Земли Франца Иосифа. А зимой 1962—1963 годов на Аляске был пойман песец, помеченный в СССР.

Ближайшим родственником красного волка является гиеновидная, или гиеновая собака, но внешне она мало на него похожа. Животное стройное с крепким телом. Мех гиеновидной собаки имеет яркую пятнистую окраску. По темно-буруму фону разбросаны пятна желтого, черного и белого цвета. Живут они небольшими стаями: 40—60 собак. Дея-

мени собачьих: о енотовидной собаке и, конечно, о динго. Енотовидную собаку не надо путать с енотом, хотя внешне они и похожи. У енота хвост украшен чередованием светлых и темных колец, чего нет у енотовидной собаки. Места естественного обитания этого зверя у нас — Уссурийский край и южная часть Амурского края. Встречается он также в Индо-Китае, на Корейском полуострове, Японских островах. С 1934 года его усиленно расселяют во многих районах нашей страны. К сожалению, он прижился, сумев шагнуть даже за границу (в северные и восточные европейские страны).

тельны обычно днем. Основной пищей им служат различные антилопы. О выходе их на охоту вся округа узнает очень просто. «Хо-хо», — разносится громкий мелодичный крик. «Ого-го! Я вышел на охоту!», — переводят его звери на свой язык.

В Южной и Центральной Америке водится интересный зверек — кустарниковая собака. Она мало похожа на собаку и по строению тела напоминает барсука. У нее всего 38—40 зубов, то есть меньше всех других собак, кроме того, между пальцами у нее растут перепонки, а это значит, что собака хорошо плавает и ныряет.

Наконец, несколько слов хотелось бы сказать еще о двух представителях пле-

Голубой песец.

Почему «к сожалению»? Да потому, что он стал настоящим разбойником в охотничьих хозяйствах, уничтожает гнезда птиц и выводки молодняка. Ну, а эта собака имеет особенности? Да. Она единственная из всех собачьих, кто залегает в спячку.

Немного о динго. С упоминания об этой собаке мы начали наш рассказ, ею и закончим. Динго не совсем дикая собака. Про нее точнее будет сказать — одичавшая. Это единственный хищник австралийского континента. Как она туда попала? Последние исследования дают возможность полагать, что динго прибыла на континент вместе с человеком при-

Койот.

мерно 8 тысяч лет назад. Вероятно, отдельные особи ее одичали и, не имея конкурентов, быстро расселились почти по всему материкову, занимая повсюду открытые пространства и разреженные леса. Основой питания динго служат кенгуру. Подобно волкам, они охотятся стаей, в паре и одинично. Единственный, но грозный враг динго — фермеры.

Наш рассказ подошел к концу. Конечно, вы познакомились далеко не со всеми представителями собачьих, и не столь подробно, как, может быть, хотелось, но книги помогут вам узнать больше.

Е. СОЛДАТКИН

На первой странице: рыжая лисица (наверху) и кустарниковая собака.

Корсак.
Грибистый волк.

Лесная Газета

ФЕВРАЛЬ - БОКОГРЕЙ

В феврале зима с весной встретится впервый.

А пришел февраль хоть и ложный, но вы, «мужички», готовьте сошнички».

Если вокруг солнца туманный круг — к метели.

Бледная луна — к обильному снегопаду.

Если луна ясная и круторогая — к стуже.

Если молодая луна изогнута менее обычного — к снегу в течение месяца.

Если звезды кажутся меньше обычного — к снегу.

Ветер с севера — к очень холодной погоде.

Если домашний гусь прячет клюв под крыло — к морозу.

Волки воют около жилья — к морозу.

Если мыши вылезают из-под снега на поверхность — к оттепели в ближайшие дни.

Если белка покидает гнездо, много бегает — к хорошей погоде.

КОНЦЕРТ В ДУБРАВЕ

«Февраль-бокогрей на солнышке бок греет, в тени мороз хватает нос», — говорят в народе. И все-таки рог зиме уже сломлен. Вчера бушевала метель-завируха, а сегодня тихо, ясно. На солнцепеке в заснеженной дубраве то тут, то там забулькала хрустальная капель. Высоко в лазурном поднебесье, с трубным перекликом спрашивая свадебные игры, кувыркаются черные вороны и, как никогда раньше, голосисто, с ликующим задором вызванивают свои песенки-веснянки желтогрудая пичужка — овсянка.

— Весь-весь-весна! — протяжно выговаривает она, а затем хлестко, с мелодичным переливом как бы советует: «Покинь сани — возьми воз, покинь-покинь!»

В лесной тишине предвесеннего полудня овсянкин голос звучит чисто, радостно, будто хрустальный бубенец в каком-то священном храме. И вдруг откуда-то с вершины векового дуба послышалось плаксивое кошачье мяуканье, а вслед за ним глухо, вроде бы в засугробленном хлевушке возле хаты проблеяла одинокая овца. Потом почти одновременно раздаются чей-то простуженный кашель, фырканье бегущей лошади и робкое чириканье воробья.

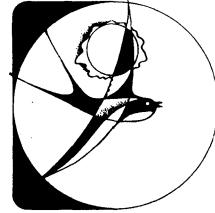
Что за причуда! Кто издает эти странные, не присущие для зимнего леса звуки? Пристальный взгляд. И вот в кроне огромного дуба воровато метнулась с ветки на ветку

одна синекрылая птица, за ней вторая, третья, четвертая. Так это же сойки! Одни из самых нарядных птиц из семейства вороновых. В иную пору года они очень осторожны, крикливы, пронырливы, держатся обычно в одиночку или парами. А сейчас, с наступлением весны, пришло время брачных игр, любовных свиданий, свадеб, и сойки кочуют по лесу небольшими табунками. Возле каждой пернатой невесты собираются три—четыре нарядно одетых кавалера, и каждый из них старается обратить на себя внимание привередливой «дамы сердца». Очаровать ее. Нет, не с помощью крика или драки с соперником, и не только своим роскошным нарядом, а прежде всего пением.

Но увы! У соек-то ведь, кроме резкого, трескучего голоса, своих песен нет. Как же быть? И тут выручает их непревзойденный талант к пересмешничеству. Обладая неплохим музыкальным слухом, сойки с изумительной точностью могут имитировать голос любого обитателя леса.

А теперь зима. И в поисках корма они наряду с облетом лесных чащоб частенько наведываются в окрестные села. А там каких только голосов не услышишь, и каждый, случайно, мимолетом услышанный звук или голос надолго остается в памяти пернатых пересмешников. Так вот сейчас в солнечной тишине предвесеннего полудня сойки-кавалеры и устроили состязание в честь присутствующей красавицы.

Тому и другому хотелось быть избранным и всяк по-своему старается

ВЕСТИ С ОПУШКИ

показать свое мастерство. Вот один из них тихо-тихонечко пропел петушком и тут же хрюкнул поросенком. Второй закудахтал курицей, третий передразнил одряхлевшего пса. Скрип колодезного журавля, рокот мотора, клик кукушки, чоканье дрозда-рябинника, плаксивый зов желны. И весь этот набор голосов и звуков сливался в музыку какого-то странного, никому не ведомого оркестра. Оркестра, игравшего так осторожно, тихо, что услышать его исполнение можно было лишь не дальше двухсот метров.

П. СТЕФАРОВ

НАСТОЙЧИВАЯ СИНИЦА

Уже несколько лет накануне холодов мы с внуком Димой вывешиваем в своем саду птички кормушки и ежедневно насыпаем в них семена подсолнуха. В этой птичьей столовой есть постоянные посетители. Особенно приметна хохлатая синица. Однажды не успели мы утром наполнить кормушки. И вдруг услышали стук в окно и настойчивое теньканье. Это хохлатая синица поторапливалась нас с завтраком. Дима открыл форточку, и птичка сразу влетела в комнату. Она

поклевала хлебные крошки, юркнула обратно на свободу и села на ветку, ожидая, когда в кормушке появятся семена. Несколько лет к кормушкам прилетает дятел. Ему особенно нравится сало, которое мы подвешиваем на ниточках. Дятел и жить остался в саду около кормушки, облюбовав себе подходящую скворечню.

П. СОЛНЫШКИН НА ЛЕСНОЙ ПОЛЯНКЕ

Темнота неохотно уползает под лохматые седые ели. Светлеет, а мороз крепкий. Деревья суточно постреливают. И эти звуки гулко катятся по стылому лесу.

Жалобно пропищала синичка. Чуть бодрее ей ответила другая. Скоро их посвисты стали веселее. Нет, они так и не появились на полянке. Не любят синицы ветра и открытых пространств. Однажды нашлась такая смелая и полетела в лютый холод через большое болото. И не дотянула до спасительного леса. Не отошла маленькая пичуга и за пазухой.

Рассвело. На самую большую березу, которая всех ближе подступала к поляне, черными гроздьями расселись косачи. На какое-то мгновение они замерли. Их стройные контуры четко выделялись на белых затейливых кружевах занедевших ветвей. Вот один из них осторожно клюнул почку, и трапеза началась. В это время солнце апельсином выкатилось на частокол дальнего леса. Холодные краски вокруг несколько

потеплели. Тетерева продолжали кормиться, а иней обильно сыпался вниз, играя радужными искорками. Насытившись, косачи, выставив свои грудки, один за другим застали. Затем, словно по команде, птицы посыпались вниз прямо в снег. Только их и видели. Бывает, в непогоду тетерева по нескольку суток лежат под снежным покрывалом.

Вдруг полянка расцвела красными розами. Это налетела стайка снегирей. Они с дотошной деловитостью обследовали редкие, торчащие из-под снега метелки растений. Пожалуй, нет ярче птицы в нашем зимнем лесу, чем снегирь. Увидишь его, и на душе светлеет.

Недолго пустовала полянка. Со стороны низинки выкатился белым шариком заяц. Вообще-то его время скакать еще не наступило. Видимо, кто-то спугнул косого. Заяц на

середине даже привстал на задних лапах, смешно скрестив передние. Ушки на макушке чуточку прислушивались. Не уловив ничего страшного для себя, беляк медленно поскакал дальше. Но тут случилось совсем непредвиденное. Косач, лежащий рядом в снегу, не выдержал и черной молнией вырвался из своей спальни. За ним с шумом стали подниматься и остальные. Косой же от испуга сначала высоко подпрыгнул вверх, а затем дал стрекоча. Над полянкой несколько секунд висело легкое снежное облако.

Короткий зимний день. Как только солнце-апельсин закатилось за горизонт, голубизна стала сгущаться. Историю же на лесной полянке мне удалось прочитать по следам на снегу.

Н. ТЕРЕНТЬЕВ

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Дорогие друзья!

Первого марта открывается подписка на второе полугодие. Чтобы получить все шесть номеров «Юного натуралиста» с июля по декабрь, необходимо посетить почтовое отделение до конца апреля. Не забудьте, пожалуйста! Редакция рассчитывает на вашу поддержку.

Редакция

КУДА СПЕШИШЬ, СЕРЫЙ?

Однажды я увидел следы волка. Он оставил их вдоль дороги, проходящей по опушке леса, на средне глубоком рыхлом снегу. Волк ни разу не свернул в сторону. Шел ровно, целеустремленно. Я промерил отпечатки волчьих лап. Длина передней была 12 сантиметров, ширина — 8. Параметры задней лапы соответственно 13 и 7 сантиметров. Длина волчьего шага была 80 сантиметров, ширина следовой дорожки — 10 сантиметров.

А следовые дорожки кабанов я видел неоднократно. По свежести следов и по их количеству можно определить, что кабаны проходили группами в шесть-семь особей каждая. На пересечении следовых дорожек часто встречались вытоптанные, но не разрытые площад-

ки округлой формы диаметром в среднем пять-шесть метров. Очень интересен характер движения кабанов: они ходили друг за другом, немного возвращались по своему следу обратно. Иногда следовая дорожка даже делала петли.

Денис АНИСКИН

РОЗЫ С ПОДВОХОМ

В зимнем лесу отнюдь не безжизненно. Я наблюдала следы жизнедеятельности насекомых — вредителей ивовых побегов. Галлы насекомых-вредителей ив очень разнообразны по форме. Но все их можно разделить на две большие категории: розовидные галлы и галлы в виде вздутий. Насекомые в галлах на ивах проходят личиночную стадию развития.

Елена ЖАРОВА

СЛЕДОПЫТ

ЛОСЬ ПРОШЕЛ!

Следы этого великана не спутаешь с другими. Правда, они похожи на следы крупного рогатого скота, но даже у среднего по размеру лося следы крупнее, чем у матерого домашнего быка. Как пройдется шестисоткило-

граммовый богатырь по зимнему лесу, сразу — вот они, четкие лунки с растопыренными узкими рожками копыт средних пальцев, глубоко вдавлены в податливый снег. Кстати, по величине угла между рожками можно судить о резвости лосиного шага.

При шаге лось довольно точно ставит заднюю ногу в отпечаток передней, а двигаясь рысью, заносит ее вперед. Длина лосиного шага 70—90 сантиметров, на ходу рысью — около 150 сантиметров, а прыжки при галопе превышают три метра.

По чернотропу лоси ходят бодро, одолевают солидные расстояния. Но по

рыхлому и глубокому снегу особо не разбежишься, поэтому зимние маршруты лосей заметно скромнее летних. Судите сами: летом за сутки лесной великан проходит пять-шесть километров, а зимой — только 700—900 метров.

Идя по следу лося, можно набрести на его лежку. Лось, в отличие от оленей, снег не разгребает, напротив — использует его как перину, погружаясь в него почти полностью — так, что над поверхностью снежной постели бдительно торчат только холка и голова. А на голове — огромные лосиные уши, поворачиваются время от времени как эхолокаторы,

След лося.

улавливают чуждые, опасные звуки.

И еще один характерный признак здраво обнаруживает присутствие в лесу лосей. Погрызы, сломанные и объеденные верхушки молодых деревьев. Особо неравнодушен лось к свежим юным побегам ив, рябинок, осин. Ранней весной, когда у деревьев начало сокодвижения и кора легко отслаивается от ствола, лоси

искусно скальпируют деревья, стаскивая с них кору целыми лоскутами. Крепкими долотообразными резцами, расположенными на нижней челюсти, лось ловко подрезает кору снизу и тянет вверху. Когда увидите на дереве лентовидные скальпы, знайте: это — лось поработал.

В рационе лесного богоядра и веточный корм. Выбирает он деревца с хрупкой древесиной или сильно промерзшие. Пригибает их по-хозяйски, захватив ртом. Крупные гнет и валит, надвигаясь грудью. Когда лосей много и живут они на одном участке скученно, урон от них лесу весьма ощущимый. Лосиное стойбище вы сразу определите — столько на нем обглоданных, обезглавленных деревьев!

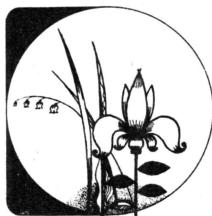
А повезет — найдете в лесу лосиные рога! Старые самцы сбрасывают

Сброшенный рог сохатого.

их в декабре — январе, молодые бычки — в конце февраля, в марте. Не удивляйтесь, если рог окажется сильно изъеденным, в погрызах. Это мелкие зверьки постарались. В растительных кормах северного леса недостаток некоторых солей, вот зайцы, белки, полевки, лемминги и восполняют дефицит минерального питания за счет лосиных рогов.

В. ЮРЬЕВ

ЗНАКОМЫЕ НЕЗНАКОМЦЫ

МОЖЖЕВЕЛЬНИК

Это вечнозеленое, высотой 10—12 метров дерево, покрытое игловидной листвой, нетребовательно к почвенным условиям, засухоустойчиво и не боится мороза. Можжевельник можно встретить на широте Мурманска и в горных райо-

нах Крыма, Кавказа, Средней Азии и Дальнего Востока. Широко распространен в Европейской лесной зоне и лесотундре.

Растет можжевельник крайне медленно, при этом корневая система обгоняет рост надземной части деревца. Разветвленные корни, проникая в расщелины отвесных скал, десятилетиямидерживают можжевельник в полувисячем состоянии. Ведь можжевельник — долгожитель. Знайте, деревцу, обильно усыпанному шишкоягодами, по крайней мере лет сто. В горах же можно увидеть можжевельник, которому 1000 лет. Ствол такого патриарха перекручен, ветви хоть и причудливо изогнуты, но усыпаны шишкоягодами с доброкачественными семенами.

Если сам можжевельник называют порой северным кипарисом, то ягоды его — хвойным виноградом. Рядом с

совсем зелеными молодыми шишкоягодами соседствуют зрелые иссия-черные. Созревают они на второй, а то и на третий год. Сочная мясистая мякоть легко отделяется от твердых коричневых семян. В зимнюю пору они спасают от голода рябчиков и глухарей, снегирей и

свиристелей. И те разносят их по лесу.

Можжевельник — вечнозеленый санитар. Одно такое дерево выделяет за сутки до 10 тонн фитонцидных веществ, губительных для вредных микробов, а гектар можжевелового леса избавит от них крупный город.

НАШИ СОСЕДИ

ФИЛИН

Этот ночной и сумеречный хищник неспроста считается патриархом обширного совиного племени. Завидный — до трех килограммов — вес, двухметровый размах крыльев... Немигающие глаза занимают половину плоского лицевого диска. Ярко-оранжевая радужинка, окаймляющая огромный зрачок, делает их поистине гигантскими. И еще знакомые всем «ушки». Эти темные пучки на голове, ассиметрично направленные в разные стороны, позволяют филину чутко различатьочные шорохи.

Верить ли охотничим утверждениям, будто бы филин свободно вертит головой вокруг шеи? Наукой установлено: на 270 градусов вокруг вертикальной оси филин способен поворачивать голову. Подвижность шеи, судите сами, поразительная!

Бахромчатость и мягкость перьев, расположенных по контуру крыла,

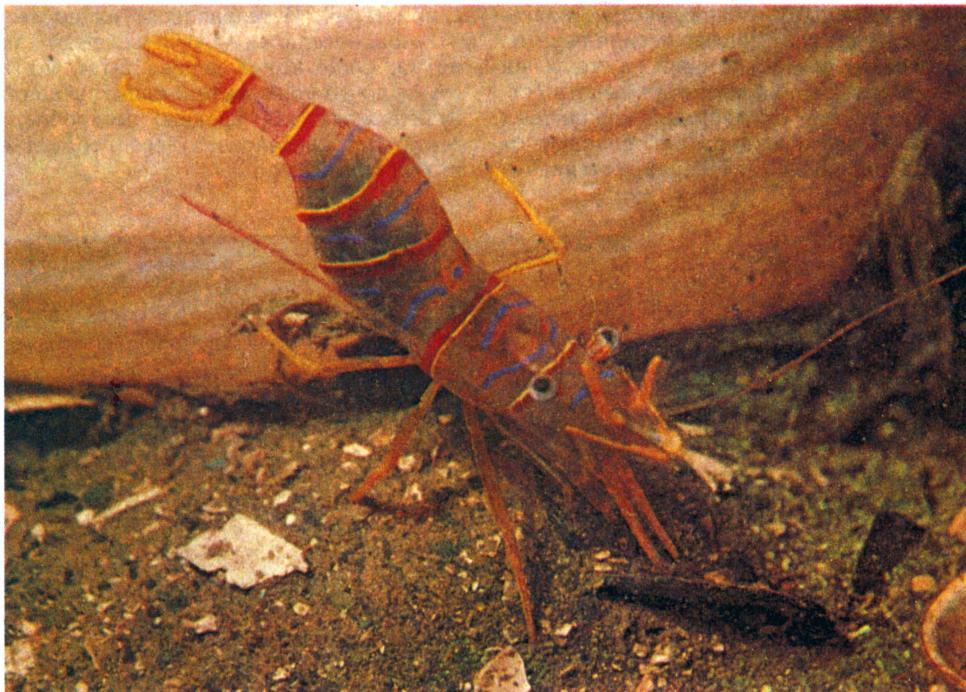

помогают летать филину бесшумно и очень маневренно. Даже птенец месячного возраста — размером, правда, с упитанную курицу! — лишь изредка заденет ветку: никак не может привыкнуть к быстро увеличивающимся размерам крыльев.

Виртуозность полета, острое зрение, чуткий слух — все это делает филина превосходным ночным охотником. Но до-

стается от филина пернатым собратьям — глухарям, тетеревам, тетеревяткам, мелким воробышкам, млекопитающим — зайцам, молодым горным козлам. Но самая предпочитаемая филином пища — грызуны. Поэтому он, безусловно, полезен, недаром уничтожение филина запрещено почти повсеместно.

Б. АЛЕКСЕЕВ
Фото Г. Смирнова

Десятиногие ракообразные — креветки широко распространены во всех морях и океанах. Только в дальневосточных морях насчитывается около ста видов этих небольших раков.

Интересную особенность выявили ученые у довольно редкого вида креветок Леббенс грандиманус, не относящегося к промысловым. Это небольшое животное, красиво украшенное красными и желтыми полосками с синими черточками на панцире, наблюдается только около актиний рода Крибринопсис и никогда ее нет около прочих актиний, хотя некоторые из них и обеспечивают убежище для креветок других видов.

В последнее время в США особо популярными стали пароходные круизы по Мексиканскому заливу и южной части Атлантического океана со специальной целью — кормление дельфинов. Правительство этой страны собирается наложить запрет на кормление всех морских млекопитающих, обитающих в прибрежных водах. А дело все в том, что кормление дельфинов в море может сделать животных зависимыми от человека, а также нарушить их миграционные пути, что приведет в итоге к неудоеданию и увеличит опасность получения травм, ведь дельфины все чаще и чаще будут стремиться к сближению с судами. Ссылаясь на опыт с медведями гризли в

Йеллоустонском национальном парке США, где те стали зависеть от подачек человека, ученые считают, что меры должны быть приняты до того, как дельфины привыкнут получать пищу из рук человека.

Почему американские ученые в последнее время так много внимания уделяют африканским пчелам? Дело в том, что они чрезвычайно агрессивны и могут беспричинно нападать на людей, за что и получили прозвище «пчелы-убийцы». Спариваясь с мирными пчелами европейских видов, африканские передают им свои агрессивные качества, а это угрожает

оказывается оказывается

традиционному пчеловодству.

В 1957 году африканские пчелы случайно попали в Южную Америку, где прижились, а затем начали свое передвижение на север. Предполагают, что к 2000 году они достигнут границ США. Изучению особенностей питания и размножения этой пчелы помогают современные достижения науки и техники. Небольшой кремниевый чип весом 35 миллиграммов прикрепляют к спине пчелы, и прибор посыпает пульсирующие сигналы на расстояние до 1,6 километра, что позволяет ученым следить за ее передвижением.

На одной из станций кольцевой железной дороги в центральном районе Токио стоит оригинальный памятник собаке. Почему же он был поставлен? Памятник посвящен собаке по кличке Хачико и олицетворяет Верность. Когда-то ее хозяин каждый день уезжал с этой станции на работу. Но однажды его

не стало. В течение десяти лет ежедневно приходила собака на станцию и ждала, надеясь на его возвращение. Если учесть, что средняя продолжительность жизни собаки составляет примерно 12 лет, то, выходит, что преданное животное ждало своего хозяина всю жизнь!

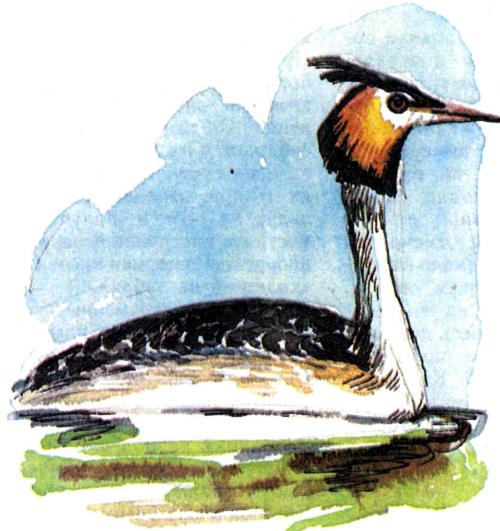
В день, когда отмечалось столетие дороги, около памятника сидела другая собака, внешне похожая на знаменитую Хачико. На весь день она была возведена в ранг... начальника станции. Как и полагается начальнику, на ее голове красовалась специальная сшитая к торжеству фуражка.

выкапывания из грунта моллюсков и защиты от врагов. При случае морж может поразить своими мощными клыками зазевавшегося тюленя. С их помощью он взбирается на льдину, а иногда и на сушу. Использует он их и при передвижении по льду, за что и получил у местного населения северного побережья Америки прозвище «ходящий на зубах».

И все же современные ученые склонны считать клыки в большей степени украшением. Они — его визитная карточка, указывающая на занимаемое им социальное положение. В брачный период самцы демонстрируют свое «оружие» как устрашение соперника. Как полагают ученые, у моржей с наибольшими клыками и самое большое потомство. Любопытно, оказывается, за тысячи прошедших лет длина клыков у моржей увеличилась.

Есть клыки и у самок, но они значительно меньше и тоньше. Возможно, самки используют их при защите детенышей от белых медведей.

Николай СЛАДКОВ

ПОЮЩИЕ ПЕРЬЯ

Рассказ коллекционера

ЗАЯЧЬИ ПЕРЬЯ

Пестрые перья ястреба-тетеревятника. Откуда вдруг они на снегу? Зимой ястребы не линяют. И напаста на тетеревятника некому: он сам на кого хочешь нападет.

Никогда бы не догадался, если бы все своими глазами не видел.

Вдоль опушки, стелясь и увертываясь от кустов, мчался ястреб. А впереди — заяц. Вот оба выдрались из путаницы бурьяна и веток: заяц покатил по полю белым шаром, ястреб, мельтеша крыльями, быстро стал его догонять. И вот уже завис над ним, нацелив когти в зашеек.

Продолжение. Начало см. в № 1 за 1993 г.

Тут и произошло! Заяц опрокинулся на спину и замолотил лапами. И заверещал тонким заячьим голосом, прощаясь с жизнью.

Но с жизнью чуть не простился ястреб!

Заяц неудачно шаркнул по нему задней лапой — и сбил его в снег. Ястреб забаращался, но тут же взлетел и, соря перышками, неловко потянул к лесу: досталось ему не шуточно.

Когда я, пыля лыжами, подбежал к месту происшествия, не было там уже ни храброго зайца, ни битого ястреба. Одни следы заячьих лап, да серые ястребиные перышки. Вот эти, что у меня на листе.

УМЕРШИЕ ПЕРЫШКИ

Это случилось, когда я еще охотился и грохотом выстрелов осквернял природу. Оказался я со своим ружьем на реке Аракс, среди желтых тростников. С шумом ветра налетела на меня стая перелетных стрепетов, летящих на зимовку в Иран. Ружье привычно взлетело к плечу, блеснул выстрел и стрепет, кувыркаясь, упал в тростник. Я поднял его: большой, тяжелый, красивый. Тугое перо пахнет полынкой и ветром. И такое оно холеное, струйчатое, упругое, что жаль оципывать.

Но пришлось. И тут открылась изнанка: под перьями был нежно-розовый пух! Ничего подобного я никогда не видел: птичий пух обычно белый или серый. Красота птичьих перьев всегда представлена наружу, напоказ, а тут — спрятана. Но для кого и зачем?

Я нащипал перьев с розовым пухом, чтобы всегда на них любоваться и показывать другим. Но ни любоваться, ни показывать не пришлось: цвет поблек. Перья умерли. Живой розовый цвет, поражающий глаз, ушел. Пух подернула восковая мертвая желтизна. Так блекнет чешуя рыбы, вынутой из воды, так вянут без воды цветы, тускнеет береста срубленной березы. Очень уж зыбок этот цвет жизни, ничем его не удержать.

ТЕЛЕГРАФНЫЕ ПЕРЬЯ

В моем альбоме целый лист телеграфных перьев. Первыми были черные перья лысухи и оливковые болотного

пастушка. Нашел я их под проводами телеграфной линии на полуострове Апшерон. Птицы разбились о провода.

А что это было не случайно, убедили меня лисичка и черный коршун. Я каждое утро видел, как они проверяли телеграфную линию. Лисица бежала и склонялась над каждой разбившейся птицей, а коршун вдруг как-то комкался на лету и, выставив когти, падал в полынку. Санитары подбирали калек и убитых.

Каждую ночь на всей земле о все провода, паутиной опутавшими просторы, бьются тысячи птиц. Особенно во время их перелетов осенью и весной. Одни убиваются сразу, другие долго еще мучаются. Коршуны и лисицы для них избавление от страданий.

Каких только перьев нет! От крошечной пеночки до огромного глухаря. Дрозды, скворцы, голуби. Утки и кулики. Сколько птиц на земле — столько можно собрать и перьев. А сколько бьется птиц о маяки, телевизионные башни, трубы заводов, фермы электролиний, высокие подъемные краны, фермы мостов. Дождь птичьих тел сыпется и сыпется с неба на землю. Подобно осеннему листопаду.

ПЕРЫШКИ-ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Я долго не верил, что косачи и осенью на ток слетаются. Зачем, если на нем тетерок нет? Весна это весна, а осень — осень.

Потом я услышал осенне воркованье: косачи пели в стороне тока. Поют-то поют, а дерутся ли? Как весной? Все-таки ток не только песни.

Надо было идти на ток.

Днем на току никого не было. И все-таки я все узнал! И что косачи слетаются, и что по земле бродят, и что дерутся даже. Везде на мху их наброды куриные, а вот и главное доказательство — перышки. Два следа сблизились, помято-потоптано, пучками черные перышки. Дрались — как и весной. Хоть и тетерок нет, и впереди зима. Но силы уже — весенние!

ЗМЕЙНОЕ ПЕРЫШКО

На это крохотное перо почти никто не обращает внимания: маленькое, тусклое, одноцветное. Но я всегда сам на него показываю. Шел по лесной тропин-

ке и услышал вдруг тревожное посвистывание веснички. Пичужка суетливо перескакивала по нижним сучкам куста, как по жердочкам. Туда-сюда, туда-сюда — и смотрела вниз. То вдруг вспархивала и, жужжа крыльшками, зависала над пучком травы.

В траве шевелилась гадюка и весничка металась над ней. И дело тут было не в гипнозе: змея заглатывала ее птенца. Она подняла непомерно раздувшуюся голову на тонкой шее: половина птенца еще торчала из пасти. Торчали лапки, концы крыльшечек и кургузый хвост.

Челюсти гадюки поочередно, толчками наползали на птенчика — и вот уже из граненых губ торчит один хвостик. За него-то я ухватился пальцами и дернул.

Гадюка отпрянула, засипела и, виляя, быстро утянулась в траву. А в пальцах у меня осталось перышко из хвоста, то самое, маленькое и невзрачное.

Тут слушатели всегда удивляются: почему я не убил гадюку? А за что? Люди не раз уже кидались уничтожать хищных зверей и птиц, ядовитых змей: кроме вреда им самим ничего из этого не получалось. В Шотландии когда-то перебили всех хищных птиц, а дичи от этого не прибавилось, а убавилось: дичь стала болеть и вымирать. В Китае перебили воробьев — урожай съели вредные насекомые. Где-то уничтожили ядовитых змей — непомерно расплодились мыши и крысы.

Слишком часто хочется нам замахнуться палкой. Задумайся, замахнувшись! Палка о двух концах.

ПЕРЬЯ ИЗ КНИЖЕК

Об этих перьях уже рассказано. Когда-то они вдохновили рассказчика на рассказ. И он описал, как это было. С рассказчиками так бывает: увидят какую-нибудь ерунду — жухлый лист, след звериный, перо птичье! — и уже готово: засуетятся, додумают и напишут. Есть у них свойство такое: из отдельных разбросанных звенышек сплетать цепь.

Перья-рассказы. Хоть уже и рассказано, а повторю.

СИНИЦА НЕОБЫКНОВЕННАЯ

Живет у нас синица, которую называют большой, или обыкновенной. Ребята все ее знают: зимой она постоянно крутится у жилья и лезет во все западки и сетки. И ко мне в западок попалась. Я вынул ее, чтобы окольцевать, перевернулся на спинку, а она... умерла! Только что дергалась и выкручивалась и вот лежит на ладони неподвижная, мертвая. Я растерялся и положил ее на пенек. И тут синица чудесным образом ожила, воскресла, вспорхнула на куст и обругала меня звонким голосом.

Вот до чего додумалась — птицелова обманула! А ее обыкновенной назвали. Какая же она обыкновенная, если такая необыкновенная обманщица! Захочет умрет, захочет воскреснет. Вокруг пе-рышка обведет!

Два желтых перышка оставила она мне на память. Я их из западни вынул.

ЧОМГИ

Читали этот рассказ Виталия Бианки? Две чомги, развернув веером золотистые воротнички из рассученных перьев, сплылись, встали друг перед другом во весь рост столбиком, и одна другой преподнесла зеленую водоросельку. В честь весеннего ясного утра и птичей дружбы.

Виталия Бианки удивили эти странные птицы и очень понравились их золотые воротники. И он написал про них.

Такой же золотой чомгин воротничок и я однажды увидел на берегу озера. На шее убитой чомги. Охотник убил чомгу и выбросил, потому что мясо у нее несъедобное, пахнет рыбой. Он ее издали с уткой спутал. Не хочется думать, что он нарочно стрелял по танцующим чомгам, что танец их вдохновил его не на рассказ, а на выстрел.

Чомгин воротничок напоминает мне бессмысленный выстрел охотника и добрый рассказ Бианки.

НА ЧУЖИХ КРЫЛЬЯХ

Как-то в Грузии из заросшего бурьяна оврага я вспугнул стаю сов! Никогда раньше совиных стай не встречал, поэтому очень удивился и полез в овраг, надеясь что-нибудь разузнать. Под бурьяном я нашел рыхлые совиные перья: совы явно дневали тут, дожидаясь ночи. А стая, похоже, была перелетная — что тоже мне было в новинку. Потому я и собрал совиные перья — на память.

Когда я их разглядел дома, то увидел, что в каждом пере закатаны семена! Цепкие семена сорняков вцепились, вбуравились, приклеились к перьям, и совы теперь разнесут их по всему белу свету! Безногие и бескрылые семена разбегутся и разлетятся по всей земле. Об этом я и написал рассказик — «На чужих крыльях».

ПОКИНУТЫЙ

В рассказе так: из сорочьего гнезда вылетели сорочата, остался самый слабый и нерешительный. Сороки долго звали его, пытаясь выманить, а потом скрылись: проголодается, мол, и сам выскочит. Птицы часто так поступают. Но этот сорочонок оказался таким трусивым, что никак не мог решиться и бесполково топтался по гнезду. И дотоптал-

ся! Оступился, сорвался и заклинился головой в сучке-рогульке. И удавился.

Жалко мне было этого несчастного сорочонка. На память я выдернул одно черное перышко — траурное. Глядя на него думаешь: каково-то было сорочонку одному, всеми покинутому?

ТЕТЕРКА

Рассказ с таким названием я написал после встречи с тетеревиным выводком у горы Аутль на Кавказском хребте. Было так. Я шел по склону, поглядывая по сторонам. Из травы вдруг поднялось с полдюжины птичьих голов — как нераспустившиеся бутоны на тонких стеблях. «Сейчас улетят», — подумал я. Но тетеревята не улетали, они ждали сигнала тетерки. Я шагнул вперед, осыпая камешки. И тут тетерка, вместо того, чтобы улететь или убежать, увлекая выводок, бросилась... мне под ноги! Я схватил ее, она закричала, забилась, теряя перья. Тетеревята испугались, вспорхнули и улетели.

Тетерка была... слепая! Куда бежать, куда лететь, если вокруг ничего не видно? Она и на меня-то бросилась потому, что я шумел, — и тем спасла цыплят.

Тетерку я отпустил, водила же она выводок до сих пор, может, и дальше водить сможет. А потерянные ею перышки забрал. Удивительный все-таки случай.

ДВА ГОЛУБЫХ ПЕРА

Вот они: голубовато-синие, переливчатые. На них сразу обращают внимание. И приходится рассказывать, что нашел я их зимой на одном из озер Азербайджана. Что случай этот описан у меня в рассказе «Два голубых пера». А суть его в том, что птицы султанки, которых за красоту и величину называют еще султанскими курицами, живут дружными парами круглый год. И зимой всегда вместе. Хотя суровые зимы переживают с трудом.

В тот год зима была особенно грозной: снегопады, метели, морозы. И вот стал я находить в тростниках погибших султанок. И что удивительно — всегда парочкой! Жили вместе и погибали вместе. Тесно прижавшись друг к другу. И эти два пера от такой пары.

ТЯНУТЬ ИЛИ НЕ ТЯНУТЬ?

На это невзрачное перышко обычно не обращают внимания. А оно-то, пожалуй, самое необычное! Никто еще не угадал, чье оно и откуда? Я и сам-то до сих пор с трудом верю.

Прислал мне его знакомый капитан: он поднял его чуть ли не в центре Атлантического океана, где-то у Фолклендских островов.

В январе месяце они брали там пробы воды. И увидели на спящем ките... стаю птичек! Подумали, что летели птички через океан, измучились и сели отдохнуть на кита, как садятся они иногда на плавущие корабли. Но пичуги совсем не выглядели усталыми: когда кит поплыл, они слетели на воду, стали весело плавать и кого-то ловить. Кит снова вынырнул и задремал: птички-кулички понеслись к нему и расселись на спине, как на отмели. Кулички, похоже, зимовали тут: но не в теплых землях, а в теплых водах. И на спинах китов!

Вместе с пробой воды матросы подняли и прилипшее перышко. Я узнал, чье оно — кулика-плавунчика. Он живет у нас в тундре и знаменит тем, что у него не куличиха высиживает яички и выращивает куличат, а кулик. Куличиха снесет в гнездо яйца — только ее и видели.

И если все подтвердится, то станут плавунчики еще знаменитей: в океане зимуют, на спинах китов!

Рис. Н. Орехова

В какие узлы все на земле завязано! Сижу за своим столом, а у меня под ногами, на другой стороне Земли, зимуют плавунчики. И незримая ниточка тянется от них к моему перышку. Что будет, если за нее потянут?

Тянуть или не тянуть?

Продолжение следует

АРРА-АРРА! УРР-УРР!

На вернисаже природы птичьи базары бесспорно принадлежат к числу самых волнующих произведений. Вообразите, как смуглые головы базальтовых утесов примеряют пушистые шапочки плывущих по лазури облаков, а мерцающая синь океанской зыби, инкрустированная уцелевшими до поры льдинами, трепетным полотном тянется от горизонта к береговым скалам. И куда ни посмотри — всюду птицы. Они буквально затмевают небо, роятся в воздухе, точно рассерженные пчелиные семьи, покинувшие по тревоге свои ульи. Птицы то сбиваются в гроздья, то сетью рассыпаются по небосклону, то стремительно несутся вдоль берега, то черным смерчем каруселят над утесами. Вода ки-

пит от тысяч падающих и взлетающих птиц, их крики сливаются в оглушительный гвалт, в котором тонет тяжелый грохот прибоя. Белые грудки птиц, сидящих вдоль карнизов, сливаются в прихотливые ожерелья, выгодно оттеняющие влажную черноту базальтовых скал. Примкнем же ненадолго к этому фестивалю пернатых и отправимся к суровым побережьям северных морей, где на береговых обрывах со средоточены грандиозные колонии морских птиц, среди которых первыми по праву должны быть названы кайры — самые многочисленные завсегдатаи птичьих базаров.

Всю осень и зиму кайры качаются на волнах морских. Здесь они noctуют, отдыхают, ныряют за мелкой рыбеш-

кой, общаются друг с другом. И в надводном, и в подводном положении кайры плавают одинаково виртуозно, зато в воздухе и на любой твердой поверхности чувствуют себя неуверенно. Летают они быстро, но поворачивать и менять высоту полета им трудно. Взлет и посадка также не легкое дело для птицы, все устройство которой приспособлено для многомесячных морских путешествий. С воды кайра взлетает словно небольшой гидросамолет, после длинного разбега. Зимой немало кайр гибнет в ловушках-разводьях, площадь которых при подвижках льда сокращается настолько, что оказавшиеся здесь птицы не могут взлететь.

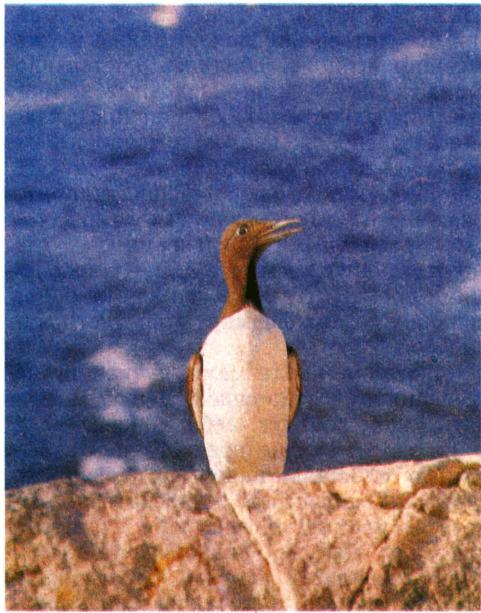
Когда весенние штормы вступают в последний бой с многометровым ледовым панцирем, вслед за расширяющимися день ото дня разводьями отправляются к родным берегам и кайры. Погожим апрельским утром вновь, как и год назад, закипает вокруг береговых обрывов веселая круговорть птичьих стай. Кажется, вот-вот птицы угомонятся и присядут, наконец, на скалы, чтобы отдохнуть от многомесячной морской качки. Да не тут-то было! Иной раз и неделя минет после первого налета, а прикоснуться к тверди земной кайры никак не решатся, точно совсем отвыкли от земли за время долгих морских странствий.

Итак, после многодневных раздумий и воздушных маневров кайры начинают обживать скалы. И сразу же заметно, что при выборе квартиры они стараются обосноваться как можно ближе к отдельным птицам или тесным компаниям, уже сидящим на карнизах. Еще не все путешественники с моря возвратились, еще и места на обрывах как будто с избытком, а вот больше всего привлекают новых поселенцев как раз те полочки и карнизы, которые уже и без того заселены изрядно. Точно в каждой кайре мощный магнит спрятан, отчего и притягивают они друг друга с неудержимой силой. И чем больше птиц рядом сидели, тем сильнее их магниты других кайр к себе тянут. Идеал своего земного существования кайра видит в том, чтобы посидеть плечом к плечу со своими товарками или по крайней мере иметь постоянную возможность дотянуться

до них клювом. Оттого и стремятся они поселиться как можно ближе к уже осевшим птицам, сбиваясь постепенно в сплоченные и многочисленные компании. Численность таких компаний и взаимное расположение кайр зависит от размеров и конфигурации горизонтальной плоскости, облюбованной птицами. Скажем, на узких карнизах птицы сидят правильными шеренгами — где вплотную друг к другу, а где — с небольшими промежутками, тогда как на более широких полках формируются многорядные поселения.

Иногда природа сама пускается на эксперимент, задавшись целью выяснить, как поведут себя кайры, если в их распоряжение предоставить избыточную площадь, например, обширную вершину скалистого островка? Оказывается, что ведут они себя примерно так же, как и равномерно рассыпанные по листу плотной бумаги слегка намагниченные металлические опилки при легком потряхивании. Проделав этот несложный опыт, можно убедиться, что опилки постепенно собираются в отдельные кучки. Так же действуют и кайры, поселяясь как можно «ближе к другим птицам, вопреки тому, что вокруг полно свободного места. В результате возникают кучки-компании из двух-трех десятков птиц, сидящих друг подле друга по кругу с клювами, обращенными строго к его центру. Между компаниями сидельцев пролегают проходы и тропы, по которым кайры ковыляют время от времени с краю плоской вершины, ибо взлететь они могут, только бросившись вниз с обрыва.

Невообразимый шум и сумятица царят в колонии круглосуточно. Характер у кайр далеко не ангельский, крепко закаленный в поминутных бытовых склоках, неизбежных в той невероятной теснотице, которая так по душе этим птицам. Под стать характеру и голос — хриплый, сварливый и громкий: «арраппа!», «урр-урр!». Распихав товарок и утвердившись на постоянном месте, сколь бы крошечным оно нам ни казалось, кайра быстро проникается чувством собственника и уверенностью в своих исключительных правах на использование отвоеванного наследства. То и дело вступая в фехтовальные поединки на клювах с многочисленными соседями

дями, она постепенно убеждает их в своем праве сидеть именно в данном месте. Теперь соседям делить нечего и они мирно усаживаются подле друга, словно старушки на лавочке.

Беда только, что по колонии слоняются десятки бездомных кайр, главное развлечение которых состоит в том, чтобы отравлять жизнь респектабельным компаниям домовладельцев. И ладно бы — поселились где-нибудь в сторонке, на свободном карнизе. Так нет, норовят забраться в самый центр уже устоявшихся компаний, где и без того не повернуться. Сесть тут можно только кому-либо на голову, что многие пришельцы и пытаются учинить, расчитывая, как видно, на слабые нервы сидельцев. Но таковые попадаются редко, потому незваные гости обычно улетают ни с чем. Потасовки среди кайр случаются поминутно, и чем более многочисленной выглядит сидящая на карнизе компания, тем чаще ее членам приходится вступать в борьбу за свое место.

Кайры живут парами, причем самец и самка возобновляют свой союз из года в год на одном и том же участке карниза. Можно только удивляться феноменальной памяти кайр, благодаря которой птица каждую весну не только за сотни километров возвращается к

своему утесу, но и находит здесь в невероятной толчее среди тысяч других птиц то самое место, где она сидела прошлым летом.

Гнезд кайры не строят, и единственное свое яйцо кладут прямо на твердую и холодную поверхность скалы, которая к тому же редко бывает ровной. Отчасти яйцо приспособлено к тому, чтобы удерживаться даже на слегка наклонной плоскости. Даже при легких толчках оно не катится, а крутится на месте, благодаря своеобразной грушевидной форме.

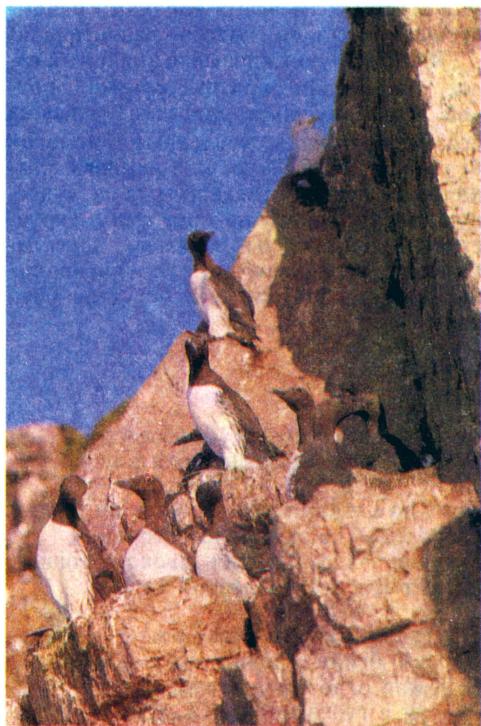
Кайра насиживает далеко не в спокойной обстановке. Вокруг нее плечом к плечу стоят и сидят десятки других наседок. Они поминутно ссорятся, сменяют друг друга, чистят оперение, машут крыльями, словом — производят множество движений, каждое из которых может стать роковым для оставшегося без присмотра яйца. Ведь кайра считает своим и насиживает только то яйцо, которое лежит на строго определенном месте. Чуть отодвинется или откатится яйцо — и родители его уже не признают. А вот в нужном месте кайры готовы насиживать даже небольшой камень. Тут и там среди насиживающих кайриных компаний виднеются целые кучи осиротевших, обреченных яиц — отрада для крупных хищных чаек-бургомистров.

С вылуплением птенцов — новые трудности. Рыбы в море — только успевай ловить. Да, вот добраться с нею до своего птенца непросто. И без рыбы посадка на узкий, скользкий карниз для такого неважного летуна, как кайра, легким делом не бывает, особенно в сумерках, в туман или при сильном ветре. Приходится заходить на посадку много раз, тут и груз потерять недолго. Если же площадка широкая, то с посадкой проблем почти нет, зато сидит тут обычно весьма многочисленная компания кайр, так что прилетевшего фуражира часто отделяют от птенца десятки чужих, голодных и весьма решительно настроенных клювов, готовых урвать от чужого улова.

Когда птенцы разменяют четвертую неделю, приходит пора отправляться в море. Дело это требует отваги, потому что многие кайрята созерцают морскую стихию с высоты десятиэтажного дома, а летать они смогут научиться еще

очень не скоро. И тем не менее в назначенный час птенцы, как по команде, очертя голову устремляются в пропасть. Со всех карнизов и полок, пещер и гротов, словно перезрелые сливы с дерева,сыплются они к подножью обрыва навстречу рокочущему прибою. Кто падает прямо в воду и поскорей отплывает от кипящей прибойной пены, кто валится на узкий пляж и ковыляет навстречу волне. А в море их поджидают уже обеспокоенные родители. К каждому плывущему птенцу устремляются сразу несколько взрослых кайр в надежде, что именно он и есть их единственный наследник. Ведь ко времени спуска птенцов на воду родители уже прекрасно узнают своих отпрысков по голосам. Разберут кайры весь детский сад, да и направятся себе в открытое море с тем, чтобы через год вновь закружить свой праздничный хоровод в лазурном небе среди пушистых облаков над смуглыми головами согретых весенним солнцем базальтовых утесов.

В. ИВАНИЦКИЙ
Фото Г. Смирнова

ЕНОТ-ПРИТВОРА

Стояла оттепель. Охота на копытных закончилась. Улеглись страсти. Но разве усидишь дома, когда душа тоскует по природе? Да и егерь просит помочь пополнить дальние солонцы.

Едва рассвело, как мы на ногах. Увязался с нами и внук Олежка.

Лыжня вывела нас на берег речки Садва. По обе ее стороны раскинулся старый бор. Под деревьями видны свежие наброды белок, шелушивших еловые шишки. На вершинах елей их целые гирлянды. Для многих обитателей леса эти семена — основной зимний корм.

Нам пора разъезжаться. Договариваемся с егерем встретиться у солонца, что возле Староречья.

Идем не торопясь, тихо разговариваем. Внук то и дело останавливается. То сойка затрещала, то тетерев слетел с осины. Разъясняю, что к чему.

С трудом поднимаюсь на пригорок, поросший густым кустарником. Вдруг остаюсь и лечу вниз. Все произошло так внезапно, что сразу и не сообразил, что случилось. Оказалось, скатился кубарем с четырехметровой высоты под обрыв. Хорошо, что все обошлось благополучно. Но вот как моя шапка очутилась у кромки льда, она ведь у меня на месте? Чья же тогда там шапка? Подъезжаю ближе — нет, не шапка. По густому высокому темно-серому меху узнаю: это енот! Отчего же ты погиб, бедняга? Поднял безжизненное тело, внимательно осмотрел со всех сторон — никаких ранений! Олег стоит на берегу. Решаем с ним так: сначала выложим соль, а после заедем сюда с егерем.

Прошел на лыжах несколько шагов, как вдруг слышу крик внука: «Дедушка, шапка убежала!» Обернулся, а мой енот, как ни в чем ни бывало, трусит вдоль берега. Едва успел сделать далеко не прицельный фотовыстрел, как хитрый зверь скрылся в норе.

Видно, мое падение с обрыва было столь же неожиданным для енота, как и для меня. Зверек грелся на солнце невдалеке от норы. Свалившись с обрыва, я перекрыл ему путь к спасению. Вот и пришлось идти на хитрость — притвориться мертвым.

Е. ВИНОКУРОВ

Очей очарованье...

В доме тихо, все уснули. Стол в горнице накрыт белой скатертью, тикают ходики. Хорошо, можно поработать! Нахлынуло что-то, как всегда, когда приезжал сюда, из Москвы, из Петербурга ли,— домой, в Константиново, на Оку, что подковой выгнулась, пропала к деревне, там, за церковью...

ливной россыпи мелких, мельчайших звуков, венчаемых легким вздохом прощения и благословения: и и и х.

Ночь теплая. Окно в сад распахнуто. Тяжелый какой-то жук, сердитый, бухнулся со всего лета в стекло, шмякнулся в траву.

Сергей встал из-за стола, на цыпочках, чтобы не разбудить никого, прокрался через комнату, мимо большой белой печи, вышел в сени, открыл дверь на крыльце. Небо, звезды! Тронет траву ночной ветер — та отзыается, шуршит. Или, может, это мыши? Летом Есенин спал в сарае, на сеновале. Он идет как раз туда. Вот и не видать уже, скрылся за деревьями, слился с летней ночью, и шаги затихли...

Сергей Есенин! Не каждый день вхо-

ГРУСТНАЯ НЕЖНОСТЬ

Мягко бежит по бумаге простой карандаш. Есенин любил писать карандашом: дерево рукой чувствуешь, и спокойнее как-то, теплее... Спорю ложатся на лист четкие, округлые, как зернышки проса, отделенные друг от друга, каждая — на особыцу, буквы.

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.

Слово-то какое — «стозвонных»! Есенин даже подпрыгнул, еще и еще раз прошептал его про себя, прислушиваясь. Стозвонных — перезвон колоколов, зовущих к заутру. Два удара басового колокола — СТО, ЗВО — на фоне пере-

дишь в солнечную рощу его поэзии. Но уж коли пришел — не оторваться, не обернуться тебе в короткий срок, не обежать враз всех заветных тропок, не подлезть под все заманчивые кусты, не надышаться вволю всеми запахами разомлевшего от зноя яркого разнотравья!

Издали звучит призывающими голосом, неизменно притягательный, родной. Разволнуешься радостно, услышав его, распрямишь ссутуленные сутолокой будней плечи. Сейчас, еще немного, раздвинешь кусты, отведешь рукою чудесную челку травы и — вот они, струящиеся строки, цокают по камням, переплетаются, переливаются, перемигиваются между собой, бегут и бегут не убывая!

Сергей ЕСЕНИН

О красном вечере задумалась дорога,
Кусты рябин туманней глубины.
Изба-старуха челюстью порога
Жует пахучий мякиш тишины.

Осенний холод ласково и кротко
Крадется мглой к овсяному двору;
Сквозь синь стекла желтоволосый отрок
Лучит глаза на галочью игру.

Обняв трубу, сверкает по повети
Зола зеленая из розовой печи.

Кого-то нет, и тонкогубый ветер
О ком-то шепчет, сгинувшем в ночи.

Кому-то пятками уже не мять по рощам
Щербленый лист и золото травы.
Тягучий вздох, ныряя звоном тощим,
Целует клюв нахолленной совы.

Все гуще хмар, в хлеву покой и дрема,
Дорога белая узорит скользкий ров...
И нежно охает ячменная солома,
Свисая с губ кивающих коров.

ПЕСНЬ О СОБАКЕ

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом.

А вечером, когда куры
Обсаживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклад в мешок.

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.

В синую высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень в смех
Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

* * *

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в наши сани.

ЗАЙЧИШКА

Трусость и легкомыслие приписывают зайцу — самому распространенному из наших охотничьих зверьков. Разумеется, заяц бежит и прячется от врагов. Иначе давно перебились бы на свете зайцы. Но стоит понаблюдать, как спасается этот «трусливый» зверь.

Гончие псы «натекли», как говорят охотники, на след длинноухого. Не напропалую, не куда глаза глядят, а определенными тропками, лазами уходит зверек от преследователей. Вот он не торопясь

бирает место для лежки. Инстинкт подсказал ему, что теперь нужна выдержка, что лучше беречь силы для новой гонки, и заяц таится до последней крайности. На испытаниях собак, когда нет нужды стрелять, приходилось нередко видеть, как заяц пропускает собаку в пяти — шести шагах, как он весь подбирается на случай бегства, а оставшись незамеченным, вновь спокойно укладывается на отдых.

От грозного противника лучше всего удрачить, даже пожертвовав клочком соб-

ры устраивают между собой жестокие бои, ударяя противников крепкими когтями передних лап. Так же он защищается от некрупных пернатых хищников, а если противник уж очень велик, заяц бросается на спину и обороняется могучими ударами задних ног. Рассказывают, что таким образом он может распороть брюхо даже орлу.

В нашей стране обитает четыре вида зайцев.

Самый распространенный — беляк — лесной житель.

выскочил на опушку, ленивыми прыжками пошел вам навстречу, присел, прислушался. Многоголосый собачий лай совсем близко. Беги, спасайся! А зверек поворачивает обратно, так же неторопливо идет навстречу опасности, но вдруг могучим прыжком летит в сторону от тропы и уже во всю заячью прыть мчится в другой перелесок.

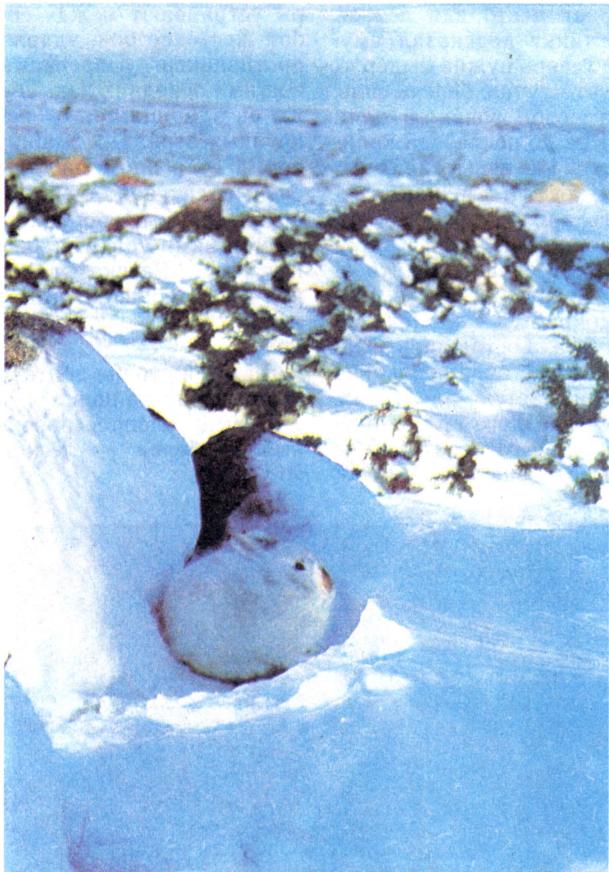
Знакомые охотникам «двойка» — двойной след и «скидка» — прыжок в сторону сбивают с толку собак, а заяц, запутав след еще больше, уже вы-

ственной шкуры. Не потому ли так тонка она у длинноухого? Профессор П. А. Мантельфель по следам убедился, что иногда это помогает спастись. «Дважды было обнаружено, что рядом со следом лисицы валялись выплюнутые ею клочья заячьего пуха с кожицей, но нигде на снегу не алела хотя бы капелька крови. Заяц ушел от преследования».

А с равным противником или в безвыходном положении заяц вступает даже в схватку. В феврале, когда начинается брачный период, длинноухие кавале-

Помогают зайцам спастись от врагов некоторые особенности, выработанные в борьбе за существование. Затаившийся зверек лежит, плотно прижав лапки к земле, и обнаружить его трудно благодаря защитной окраске — рыжевато-серой в теплое время и снежно-белой зимой. Даже чистые четвероногие хищники с трудом находят зайца на лежке, так как пахучие потовые железы имеются у него лишь на подошвах ног.

Любопытно проходит линька беляка ранней вес-

ной, когда он меняет свой зимний наряд на летнюю шубу. Белая пушистая шерсть целыми клоками встречается в это время на кустах и стволах деревьев,

а заяц некоторое время бывает пятнистым и выглядит очень курьезно.

Беляк, пожалуй, лучше всех остальных зверей приспособлен к передви-

жению по глубокому рыхлому снегу. Густая и длинная шерсть на ногах пре-вращает их в своеобразные лыжи, и зверек легко скакет по зимнему лесу, где трудно передвигаться его полевому собрату — зайцу-русаку.

Заяц-русак и серая куропатка оказались одними из немногих охотничих животных, которые при-способились к жизни среди возделанных человеком полей и стали своеобразными спутниками сельско-го хозяйства. Из поколе-ния в поколение эти виды животных находили корм и убежища возле челове-ка. В летнее время их много везде, но особенно хорошо русакам среди ко-лосовых культур, где по-всюду много хорошей еды и так удобно скрываться от врагов.

Зимой русак отлежи-вается в бороздах вспаханных полей и кормится зелеными озимых, причем одновременно помогает пережить трудное время куропаткам, которые пи-таются там, где заяц рас-копает снег. В это время русак становится в основ-ном иждивенцем крестья-нина. Ходит по сеновоз-ным дорогам, подбирая

клочки сена, не прочь полакомиться просыпанным зерном возле риги, навещает стога и скирды, иногда проникает в сады, где может попортить не одну яблоню или грушу. Впрочем, это единственный вред от нашего захребетника, но его легко предотвратить, обернув стволы еловыми ветками. Нужно только помнить при этом, что с выпадением глубокого снега заяц сможет добраться довольно высоко, и поэтому стоит обернуть дерево повыше.

Так существовал русак возле человека на протяжении многих веков, расплачиваясь за это своей пушистой шкуркой и вкусным мясом. Но в последние десятилетия положение резко изменилось. С развитием сельского хозяйства в далекое прошлое ушла чересполосица, от чего резко ухудшились защитные и кормовые условия для зайца. Численность русаков резко сократилась повсюду, где равнинные поля расположены большим клином. Спасают русака лишь овраги, заросли кочкарники, перелески и другие участки сельскохозяйственной ненуди, в которых зверек

находит корма и убежища.

По-видимому, пришло время, когда человек должен помочь зверю. В некоторых местах уже проводится посадка среди полей куртин кустарников, укрепление оврагов лесопосадками, зарашивание кочкарников и других участков бросовых земель ивняком, терном, другими защитными и кормовыми растениями. Все эти меры обеспечивают зверьков убежищами и кормами в неблагоприятные периоды. Помогают этому также зеленые насаждения вдоль дорог, полезащитные посадки, оставленные для подкормки и спасения животных узкие полоски неубранных колосовых.

Молодые зайчата хорошо приручаются, причем каждый характеризуется определенной индивидуальностью. Среди них встречаешь и малоподвижных флегматиков, и удивительно предприимчивых озорников. У знакомого зоолога в квартире долго жил совершенно ручной беляк. Он вел себя крайне независимо и терроризировал двух добродушных собак своего владельца, щедро оделял их увесисты-

ми оплеухами. Зверек был крайне любопытен, стремился познакомиться с каждым новым предметом и подолгу проводил время перед зеркалом, разглядывая и обнюхивая свое отражение. Свойственная зайцу подвижность находила свое выражение в неожиданных прыжках, стремлении столкнуть или уронить какой-нибудь предмет, побарабанить по нему передними лапами. Это средство защиты от равных по силе противников ручной зверек применяет часто, на чем был построен знаменитый дуровский номер с зайцем-барабанщиком.

В степях и полупустынях Средней Азии живет другой вид — заяц-толай. Он представляет собой уменьшенную копию русака, но по образу жизни почти не связан с сельскохозяйственными угодьями.

Еще один заяц — маньчжурский — обитает на Дальнем Востоке. Этот небольшой зверек со сравнительно короткими ушами и задними ногами внешне похож на кролика. Образ его жизни изучен мало.

В. ГУСЕВ

Рис. Р. Мусихиной

Здравствуйте, дорогие ребята!

Вот и пришел февраль — время буранов, первых сосулек и яркого солнышка, месяц резких противоположностей в природе. Когда свирепая февральская метель принуждает таежную белочку сидеть в гнезде, не высовываясь, в это же самое время зимующие на Каспии белые лебеди сбиваются в стаи, поднимаются над морем, примериваясь к трудному перелету на родину, к милому северу...

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Я очень люблю рисовать. Я счастлива, когда рисую то, что вижу вокруг: друзей, облака, ворону на березе, папин портрет... Вот и рисую зеленых кузнецов и пою: «Пахнет сеном над лугами...»

— Какое тебе сено, — говорит мой пapa. — Над лугами выюга веет...

Папа прав. Пурга бросается снегом в окно, скакет-грохочет на крыше, а на моей картине улыбаются синие колокольчики и стрекочут кузнецики... И я хочу узнать, правда ли, что среди милых кузнецов, которых я очень люблю рисовать, есть вредные для земледелия?

Настя КАРПОВА,
Ульяновская область

Рассказывают кандидаты биологических наук Вероника Сергеевна Гусева и Нина Федоровна Литвинова.

КТО СТРЕКОЧЕТ НА ЛУГУ?

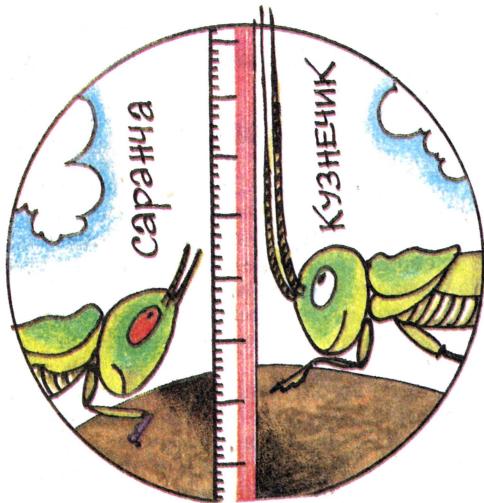
И на лугу, и на лесной опушке стрекочут в солнечный летний день не только кузнецики, но и саранчовые. Саранчовых часто принимают за кузнециков, полагая, что тот, кто прыгает, тот и есть кузнецик. Но на самом деле это разные насекомые, хотя и входят в один отряд прямокрылых.

Прямокрылых на Земле около 20 тысяч видов. Передние крылья у них обычно узкие, длинные, прямые. Но есть в отряде и виды бескрылых насекомых. Есть длинноусые и с короткими усами. Самых многочисленных представителей отряда — кузнециковых и саранчовых, на земном шаре почти что одинаковое число видов, примерно по 7 тысяч. Но у нас в стране первых гораздо меньше (около 200 видов), чем вторых (около 500 видов). А различать их просто.

У кузнецика усы длиннее тела, а у саранчовых едва заходят за голову. У кузнецика и задние ноги длиннее тела; к тому же у самочки хорошо заметен толстый, похожий на саблю яйцеклад, который ребята часто так и называют — сабля. Мускулистые длинные ноги позволяют кузнецику далеко прыгать, а саранчовые этого не могут. У кузнецика крылья прозрачные, а у саранчи бывают даже яркоокрашенными. Кузнецик — хищник, своими крепкими челюстями он может прокусить кожу на пальце у того, кто его хватает... И, конечно же, некоторые виды кузнецов приносят вред растениям. А среди саранчовых вредных намного больше.

Тут надо сказать, что среди саранчовых есть виды одиночных насекомых, нестадных, их зовут кобылками (кобылок-то чаще всего и принимают за кузнециков), часть из них вредят растениям. Но есть стадные саранчовые, они живут колониями, несметными стаями, их так и зовут — саранча. Это — самый страшный враг сельского хозяйства. Если прилетит стая саранчи и сядет на пшеничное зеленое поле, от пшеницы ничего не останется. Саранча съедает все дочиста. И личинки саранчи живут стадно (кулигами), они так же прожорливы и страшны для земледелия, как и сама саранча.

К счастью, не все саранчовые

вредны. Многие кобылки сами служат пищей, ими питаются птицы, ящерицы, змеи, суслики, пауки. А еще некоторые кобылки участвуют в великом процессе почвообразования. Питающаяся растениями кобылка переваривает и усваивает лишь около двадцати процентов съеденного, остальное выбрасывает с экскрементами. Выброшенные комочки, пропитанные питательными веществами, попав в землю, удобряют почву.

Гриша Зайцев пишет: «Я видел в море огромных медуз. Но мне сказали, что есть и маленькие медузы, почти невидимые. Расскажите, пожалуйста.»

Рассказывает студент биофака МГУ Дмитрий Орлов.

ЛЕПТОЛИДЫ

Я спускаюсь на морское дно, где вечный полумрак. Свет моего фонарика позволяет разорвать темноту, заглянуть за плотную завесу.

Медленно и плавно колышется передо мной розовый нежный цветок с гибкими длинными лепестками. На тонкой ножке нет ни веточки, ни листика, и я знаю, что не цветок это, а сидячее животное тубулярия. Представитель отряда лептолид. Водное беспозвоночное. Полип, или гидра.

Лепестки тубулярии не лепестки совсем, а щупальца. С своеобразные руки. Щупальцами полип охватывает раков, рыбок, червей. Щупальца бывают короткие и длинные, толстые и тонкие, как

нити, некоторые раздваиваются на концах. У каждого щупальца есть жгучие клетки, называемые стрекательными. Такая клетка-мешочек заполнена ядом, и в ней хранятся скрученные спиралью нити. Стоит к полипу приблизиться рыбешке или раку, как навстречу вылетает, как пуля, ядовитая ниточка. Раскручиваясь на ходу, она вонзается в жертву или приклеивается, выпуская парализующий яд. Лептолиды многоруки, но есть исключение. Полип лар с двумя щупальцами, монобрахиум — с одним, а микрогидра обходится без щупалец, ее стрекательные клетки расположены у рта. И есть среди лептолид похожие на чудовища с разветвленным телом, с десятками и даже сотнями ртов и желудков. Удивительный организм! Еще недавно зоологи не могли даже сказать — что это такое? Лишь недавно показано, что это колония полипов.

Каждая колония, несмотря на их многообразие, напоминает растение: траву, кустарник, раскидистое дерево с мощным стволом. Камни на морском дне нередко покрыты белым, розовым или бледно-желтым живым моховидным ковром. Великолепное зрелище! Все похожие на растения животные подвижны: плавают, ползают, бегают, прыгают, летают. Какую же выгоду получает животное, принимая облик цветка или дерева? Зоологам не удалось пока что разгадать.

Наконец мы подошли к самому удивительному в образе лептолид. Дело в том, что каждая особь живет как бы в двух лицах, а верней — в двух поколениях: одно из них — полип, а второе — медуза. Да! Но не та крупная медуза, которую знают морские купальщики. Известные всем большие медузы — корнерот и аурелия — относятся к классу кишечнополостных — сцифомедузам, а наш отряд лептолид — к классу гидроидов.

Итак, лептолид превращается в медузу. Для этого на теле взрослого полипа вздуваются едва заметные бугорки, растут, принимают форму шара, а затем колокольчика или зонтика. У зонтика вырастают щупальца. Вот и медуза. Она мала, прозрачна, ее трудно заметить. Оторвавшись от полипа, нежное малоподвижное существо отдает себя на волю волн и перемещается с водою на большие расстояния. В отличие от полипа медуза — половой организм.

Самочки выбрасывает в воду яйца, из которых вылупляются белые личинки. Они быстро плавают с помощью ресничек. Есть и такие медузы лептолид, у которых личинка ползает по дну. Но и та, и другая, вырастая, садится на дно, как бы приклеивается — превращается в полипа.

Полип и медуза не похожи друг на друга, у них разный образ жизни, тем не менее — это одно существо. Неизвестно, кто из них раньше появился на свете — полип или медуза. Известно лишь, что лептолиды стремятся избавиться от «двуликости»: полипы большинства видов не перерождаются в медуз, а для размножения у них вырастают генофоры — шарики с половыми клетками. Взглянуть бы на древнейший предок лептолид, но это невозможно: окаменелостей и отпечатков нежные полипы и медузы не оставляют.

И вот что интересно: в колонии лептолид, когда полипам не хватает пищи, часть особей рассасывается. Смерть исчезнувших спасает жизнь колонии. Если же количество корма увеличивается, на месте растворившихся полипов вырастают новые.

Вот сколько загадок таят лептолиды. И возможно, кому-нибудь из вас, ребята, удастся их разгадать.

Мой первый вопрос, дорогие читатели!
В начале февраля, прокладывая ранним утром свежую лыжню в лесу, можно вспугнуть табунок птиц, ночующих в снегу. С треском взлетают они на своих коротких крыльях и моментально исчезают в соседнем ельнике. Но в конце месяца птицы уже опасаются зарываться в снег. Почему? Как их зовут?

Я ЕМ КАШУ

Я сидела на кухне, ела свою любимую овсяную кашу и на все лады распевала: «Поешь овсяничка вместо пряничка... Не ломайся овсяник, не быть киселем...»

Тут пришел мой брат, студент, и спросил, читала ли я о том, что древние философы и поэты знали овес только как сорное растение на хлебном поле?

Я не читала. И очень прошу об этом рассказать.

Катя ПАВЛУШИНА,
г. Вятка

Рассказывает Анна Васильевна Демидова.

ОВЕС

Дорогая Катя! Древние авторы — Теофраст, Катон, Овидий в самом деле писали об овсе только как о сорняке, и в своих сочинениях о земледелии они призывали выдергивать овес с корнем, чтобы дикарь не засорял обработанное поле. А было это более двух тысяч лет назад.

Сведения о посевах культурного овса появились в I веке нашей эры. Считается, что первыми в Европе овес сеяли древние германцы и скандинавы. Со временем появился он и на Руси.

Откуда же пришли к нам культурные овсы? Это объяснил академик Николай Иванович Вавилов. Он разработал теорию центров происхождения и географии культурных растений. И он разделил сельскохозяйственные культуры на две группы — первичных и вторичных. К первой группе отнесли основные, с древности возделываемые растения, такие, как пшеница, ячмень, рис, кукуруза, соя, лен, хлопчатник. Эти культуры никогда не появляются в посевах как сорные. Во вторую группу, не менее обширную, включены все культурные растения, которые вышли из сорняков. Но не просто из дикорастущих трав, а из тех, которые засоряют посевы растений первой, основной группы. Овес относится к выходцам из сорняков.

Вавилов рассказывает: «Путешествуя в 1916 году по Персии, нам пришлось встретиться с фактом засорения культуры полбы овсами. Сама полба (особый вид древней пшеницы с зерном, плотно заключенным в чешуи) встречается в небольшом количестве, главным образом в западной Персии в армянских поселках, небольшими островами, и, как правило, без исключения посевы ее сплошь засорены культурными формами овса. Вне полбы овес в Персии неизвестен».

Выяснилось, что и в других странах овсы засоряют посевы древней пшеницы и часто в тех районах, где овес как культуру не знают. В общем ученые столкнулись с курьезным фактом: для того, чтобы найти интересные формы овсов, надо было изучать полбяные посевы. В результате были найдены так называемые полбяные овсы, в том числе в России, в районах Прикамья, в Вятской и других губерниях.

Овес как растение холодостойкое, малотребовательное к почвам, проявляясь вместе с пшеницей с юга на север, вытеснял ее, становился самостоятельным. Еще в XVIII веке исследователи указывали на то, что овес, с древних времен засорявший полбу, из сорняка выходил в чистые посевы. Собранные из полбы овсы, говорит Вавилов, часто принадлежат «к оригинальным новым формам культурного европейского вида, отличаясь по форме метелки, по строению цветковых чешуй, но в общем безусловно представляя из себя вид культурного овса, легко скрещивающегося с обычновенными культурными овсами».

У этого злака отлично развита корневая система, а семена прорастают весной, когда почва лишь слегка прогреется и молодые зеленые растения не погибают даже при заморозке около 4 градусов. Старинную науку о ранних посевах этого злака народ отразил в поговорках и пословицах: «Сей овес, когда босая нога на пашне не зябнет», «Овес любит хоть в воду, да впору», «Сей овес в грязь, будешь князь».

У овса все годится в хозяйстве: зерно, солома, полова. Его сеют и в чистом виде, и в смеси с бобовыми на зеленый корм, на силос, на сено. Озимые овсяные поля используют на юге как зимние пастбища. Овсяные солома и мякина — отличный корм для коров и овец. А зер-

ном всегда кормили коня. Лошадь, вскормленная на овсе, плотная, сбитая, и в народе говорится: «Сеном лошадь требуху набивает, а от овса рубашка по телу закладывается».

Чем же славно овсяное зерно? А всем. Белками, жирами, крахмалом, витаминами, аминокислотами. Крахмала в овсяном зерне до 58 процентов, жиров — до 9, белков — до 19. Из овсянки варят кашу, супы, кисели, пекут из овсяной муки печенье и хлеб. Народная поговорка — «Поешь овсяничка вместо пряничка», очень мудра. Возможно, и не так вкусен овсяный хлеб, как белый пшеничный, зато сытен. А настой из овса врачи рекомендуют для подъема жизненного тонуса и регуляции нервной системы.

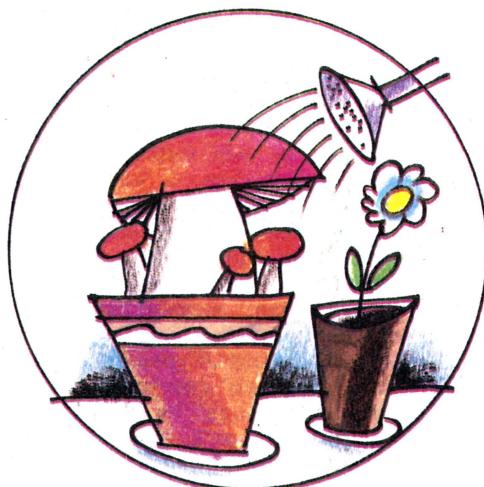
Мой второй вопрос. В южных степях в феврале уже выбегают из зимних норрыжие зверьки. Кто это?

Москвич Ваня Глебов спрашивает: «Можно ли сеять и сажать на садовом участке лесные грибы? Если можно, то как устроить грибной огород?»

Рассказывает Василиса Васильевна Фомичева.

ГРИБНОЙ ОГОРОД

Отвечая на этот нелегкий вопрос — возможен ли грибной огород? — профессор Иван Иосифович Журавлев говорил мне, что все зависит от того, каким представлять себе этот огород.

Некоторые думают, что, вскопав грядку возле любого дачного домика, можно посеять споры подосиновика, сыроежки или даже боровика — и грибы вырастут. Нет, не вырастут. Ни в лесу, ни в сообществе деревьев, трав, кустарников, мхов, лишайников лесные благородные грибы не приживаются.

Тут речь не идет о вешенке или шампиньоне, которые научились успешно выращивать. В отличие от сапрофитного шампиньона, который растет на перегное, питаясь органическими остатками, подосиновик и прочие съедобные лесные грибы — микоризные. Все они через живые нити грибницы (мицелий, грибокорень) связаны с живыми корнями живого дерева. Эта связь обойдная. Грибница, опутывая древесные корешки, с их же помощью помогает дереву всасывать растворенные в воде минеральные соли. А дерево с помощью тех же корней посыпает грибнице питательные вещества — глюкозу, крахмал, пиктины. Только благодаря этому на грибнице вырастает плод, тот самый гриб — подосиновик, сыроежка, рыжик или боровик.

Было много разного рода попыток вырастить в огороде белый гриб, например: сеяли споры, переносили в грядку лесную подстилку с грибницей, сажали под лопату кусочки вызревшей губчатой шляпки. Но каких-нибудь устойчивых успехов никто не добился.

Пробовали и ученые-микологи в своей лаборатории разводить и белые, и подосиновики, и рыжики — рассказывал профессор. Безуспешно. Пытались вырастить на поляне опенок. Нет, не прижились. Правда, в колбе опенок вырос. Не просто в колбе, а на питательной среде, на кусочках трухлявого березового пня. Хорошие выросли опята, крепкие, только чуть бледнее обычных, лесных.

Одним словом, как вырастить опенка в колбе — известно, а как и куда переселить его из стеклянной посудины, чтобы выгодно было выращивать и собирать грибной урожай,— этот вопрос остается открытым. Хотя известно, что в Японии, например, выращивают этот гриб на древесных обрубках.

Однако профессор Журавлев с величим воодушевлением советовал создавать грибные огороды не возле дачных домиков, а в лесу, там, где есть богатые грибные места. Трудности заключаются в том, чтобы эти грибные

угодья привести в состояние не случайной, а постоянной урожайности, поддерживая лесной организм в нужном для этого тонусе.

Об этом же говорил и профессор Николай Александрович Обозов. Грибной огород будет процветать при сближении интересов грибоводов и лесоводов, если, ухаживая за деревом, заботиться о грибнице: подкармливать, поливать, укрывать от заморозков или устраивать сквознячок, если слишком жарко. И если грибные угодья оградить от вытаптывания, от беспорядочной пастьбы скота, в лесах России грибы, сменяя друг друга, смогут давать постоянный урожай с апреля по октябрь.

Мой третий вопрос. У этого зверя грузное тело и короткие ноги, а нагрузка на «сантиметр подошвы» небольшая. Неуклюжий с виду, он легко и очень быстро бегает и по насту, и по рыхлому снегу, как бы скользя по нему. Как зовут зверя?

Тревожное письмо пришло от Володи Анастасьева: «В нашей квартире бесцеременно поселились рыжие тараканы. Выдворить их не удается. Помогите!»

Рассказывает профессор Павел Иустинович Мариковский.

ЗАХРЕБЕТНИКИ

Да, выдворить насекомых-захребетников непросто. Эти мерзкие твари, спасаясь от ядов, забираются в самые малюсенькие щели. Уже не говоря о том, что паре разбойников не трудно забраться в кипу бумаг, выжить и расплодиться.

Ест таракан немного, может удовлетвориться самой малой крошкой или кусочком бумаги. Пьет чаще. Самка рыжего таракана не расстается с яйцами, носит в особом пакете — оотеке, пока не вылупятся многочисленные таракашки, штук 15 или даже 40. За свою жизнь тараканиха вынашивает 3-4 оотеки. Вылупившихся деток она оставляет в теплой темной щелке, и они уже самостоятельные.

Конечно же, у таракана есть уязвимые места. Их поедают мыши. Эти насекомые не переносят морозов: даже при минус 5 градусах погибают через полчаса, а при 7 градусах — через ми-

нуту. Замечено, что тараканы уходят из дома после капитального ремонта, когда пахнет краской. Иногда их переселение происходит как бы без причины. Мне известен случай, когда все до единого насекомые покинули избушку егеря и чуть ли не организованной колонной направились по тропинке в село. Оказывается, переселившись, найдя в новом доме сородичей, тараканы обновляют свою наследственность, избегая таким образом внутрисемейного скрещивания.

Но не ждать же нам, когда тараканы соизволят переселиться. Надо действовать!

Во всех щелях тараканы оставляют свои очень стойкие запахи. Язык запахов говорит о многом: о желании спрятать свадьбу, об опасности и необходимости немедленно спасаться бегством и о многом другом. В тараканьих запахах и спрятан, по-моему, кончик ниточки, ухватившись за который можно уничтожить захребетников. Надо сделать для этого деревянную ловушку.

Вырежьте две дощечки (20×30 сантиметров), непременно деревянных. На краю одной из них прибейте бортики из деревянных палочек высотой около 2 сантиметров, но так, чтобы между ними оставались 3-4 прохода для тараканов. За бортиками прибейте к доске 5-10 продольно расположенных, но прерывающихся по длине планок, той же высоты, что и бортики. Получится лабиринт. Прикройте его другой дощечкой. Скрепите дощечки бельевой резинкой.

А теперь фотозагадка: «Что за дерево изображено на фотографии?»

Ловушка готова. Желательно сделать их несколько, хотя бы по числу комнат.

Ставить ловушки лучше зимой, когда прохладно. Ставьте в теплые места: у плиты, за батареей, у мотора холодильника. Каждый вечер (но не утром!) открывайте ловушки над тазом с горячей водой и вытряхивайте тараканов.

Берегите пропахшую тараканами ловушку. Не мойте! Тараканы любят свои запахи. В вашу ловушку могут забраться и тараканы-путешественники из других квартир, обуруемые желанием побывать с себе подобными. Если же, несмотря на ловушки, тараканы не переведутся, в доме (возможно, не у вас) есть особо многочисленное их скопление. Найдите это место.

Деревянную ловушку, думаю, можно ставить и на черного таракана. (Мне приходилось успешно вылавливать только рыжих). Черный таракан особенно любит воду, ловушку поэтому следует слегка смачивать.

Конечно же, ловушки на тараканов лучше всего ставить одновременно во всех квартирах в доме.

До свидания, дорогие друзья! С нетерпением жду ваши письма.

Ваш Главный Почемучка

МУРАВЬИНОЕ ХЛЕБНОЕ ДЕРЕВО

С двумя сортами хлебных деревьев, обезьяням и человеческим, мы уже познакомились. Сегодня я расскажу о растении, которое «выпекает» хлеб для муравьев.

В тропиках Америки очень обычна цекропия — стройное небольшое дерево с крупными пальчатыми листьями, родич нашей крапивы.

Губители местных деревьев — муравьи-листорезы (они срывают листья и готовят из нее удобренение для грибов, которые выращивают в своих подземных муравейниках). Так вот эти муравьи-грибоводы не страшны цекропии. Лишь только их передовые отряды приближаются к ней — сейчас же тысячи злых и ядовитых муравьев ацтеков выбегают на ее ветки. С безудержной отвагой атакуют они листорезов, и те бегут в панике.

Муравьи ацтеки живут в стволе цекропии. Он внутри полый, как у бамбука, и так же поделен перегородками на междоузлия, в которых и поселяются муравьи.

Квартиру выбирает молодая самка. Тщательно осмотрит она все междоузлия. У цекропии (специально для облегчения работы муравьев) стенки ствола не всюду одинаково толстые. В каждом междоузлии, и всегда в строго определенном месте, есть канальцы, почти насквозь пронзающие ствол: своего рода окна или двери в нем, но не открытые, а затянутые снаружи тонкой перепон-

кой. Эта перепонка (здесь вход в междоузлие) обозначена четким знаком — длинной бороздкой. Тут и надо вскрывать «дверь»!

Муравынная самка не мешкая начинает грызть перепонку и, сняв таким образом запоры, заползает внутрь междоузлия. Там откладывает яйца. «Дверь» вскоре вновь застает зеленою тканью, и замурованную самку с приплодом никто не беспокоит.

Проголодается муравьиха и ползет подкормить себя, поедая изнутри сочную и вкусную «дверь».

Когда из яиц выйдут муравьи-работники, они взламывают «дверь», оставляя ее теперь всегда открытой, прогрызают и отверстия в перегородках, разделяющих междоузлия. Квартира превращается в многокомнатную.

Цекропия приготовила для муравьев и столовые, где бесплатно корят «булками», которые вырастают в основании листьев цекропии. Это крохотные шарики на ножках размером примерно с булавочную головку. Они богаты белком и жирами. Муравьи толпами стекаются к накрытым для них цекропией столам и, когда жильцы съедят все «булки», растение тут же «выпекает» новые.

Рогатая акация (она растет в Бразилии и на островах Вест-Индии) предоставляет муравьям квартиры внутри своих огромных вздутых колючек, а «булки» муравьи находят на концах маленьких перистых листочеков, ра-

стущих между иглами акации.

Злые муравьи и острые шипы настолько хорошо обороняют акацию, что надежное укрытие под сенью ее ветвей присмотрели для себя многие беззащитные птички. Они подвешивают свои гнездышки к длинным иглам и выводят в них птенцов. Ведь через заросли рогатой акации не пробрется ни один зверь, ни даже человек, вооруженный длинным ножом мачете, которым местные жители прорубают дорогу в джунглях.

Один удар мачете — и тысячи муравьев, словно гарнизон осажденной крепости, бросаются на человека, и он бежит в панике, корчась от боли и сträхивая с себя вцепившихся насекомых. На островах Карибского моря акацию называют «Аррете, ле Нег!» — «Стой, негр!». Не ходи, дескать, дальше, а то муравьи закусают.

Другая акация, но не американская, а африканская из-за своих беспокойных квартиронтов получила прозвище «флейта». Муравьи, поселившиеся в ее вздутых шипах, прогрызли в них множество отверстий, ветер дует в них, и акация издает мелодичный свист.

В лесах Индонезии растет мирмекодия тубероза. Ее муравьи не только защищают, но и корят, правда, совершенно непроизвольно. Мирмекодия — эпифит. Это значит, что растет она не на земле, а на ветках де-

ревьев, прикрепляясь к их коре своими цепкими корнями. Это значит также, что она не получает из почвы питательных солей: их доставляют муравьи. Муравийный помет, накапливаясь внутри клубней мирмекодии, заменяет ей почвенные соли.

Муравьи живут в ее клубневидном стволе. Он пористый, как губка, пронизан запутанными лабиринтами камер и ходов. Некоторые из них ведут наружу. По ним спускаются в «лабиринт» муравьи. При первом же сигнале тревоги они дружно бросаются на защиту отечества.

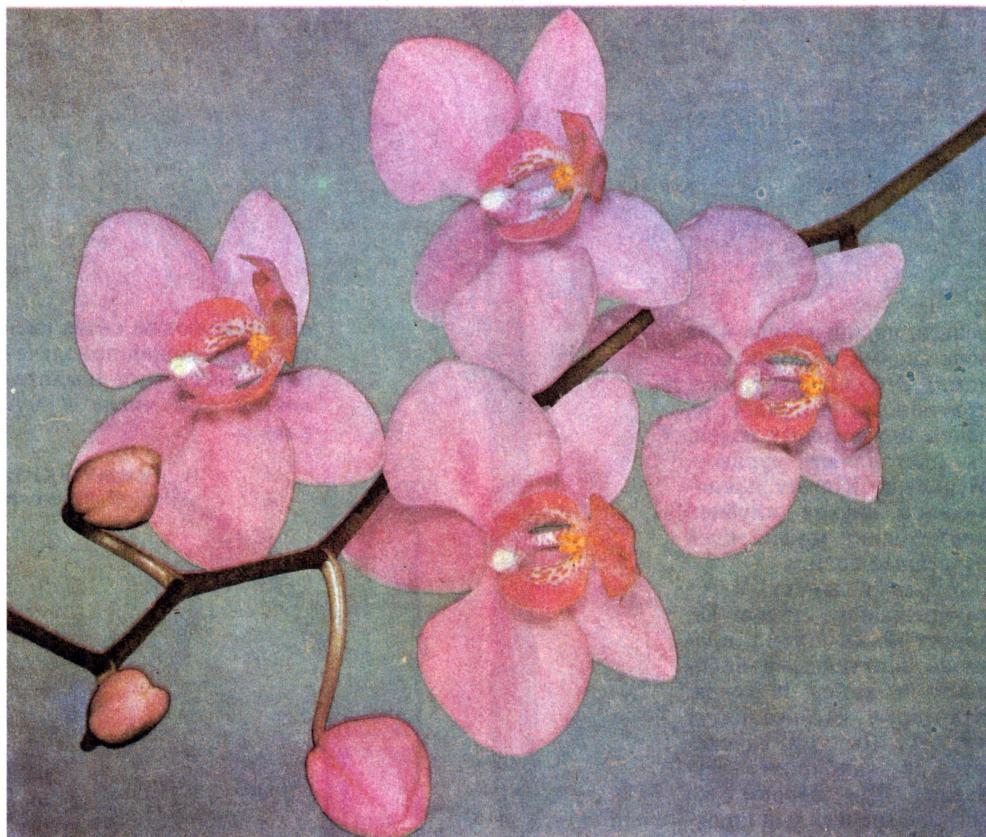
Орхидеи — красивые тропические цветы. Но интересны они не только садоводам, а также и ученым, изучающим повадки животных. Ведь некоторые орхидеи тоже

выращивают на своих цветах «булки» для привлечения насекомых-опылителей. В том числе и муравьев.

И. АКИМУШКИН
Рис. Н. Орехова

ЗАСТЬВШИЙ ПОЛЕТ

Однажды один из специалистов-цветоводов обратился к студенту с Кубы, будущему агроному с вопросом о том, как выращивать орхидеи. Тот ответил: «Очень просто. Надо

прикрепить растение проволокой к дереву и 1—2 раза полить». В этом ответе не было и намека на шутку: именно так росли орхидеи в его саду. Так же многие виды рас-

тут и в природе. Такие орхидеи называют эпифитами, опорой для них служат ветви и стволы деревьев, а отмершая кора, покрытая мхом, и скопившийся в ее трещинах «му-

сор», являются субстратом, на котором они растут.

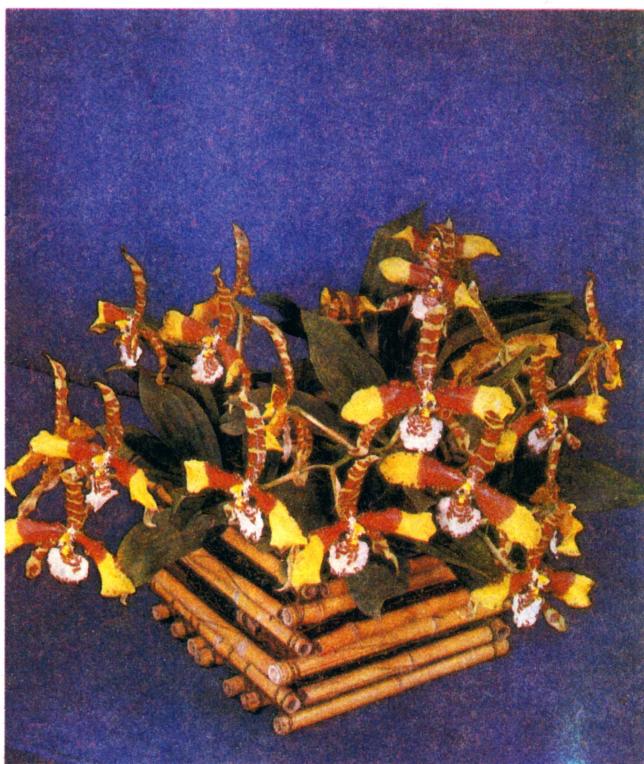
Кору, мох или торф используют и для выращивания комнатных орхидей. Кору, обычно сосновую, дробят или размельчают, затем ошпаривают кипятком. Сфагновый мох перед использованием погружают на 30 минут в воду, нагретую до 40—50 градусов. Кроме коры и сфагnumа используют еще корни папоротников, распространенных в наших лесах. Их тщательно отмывают от земли и подсушивают в хорошо проветриваемом месте. Эти компоненты берут в разных соотношениях в зависимости от особенностей вида и, главным образом, в зависимости от потребностей растения во влаге. Например, для молодых растений (отпрысков, укорененных черенков, деток, сеянцев) долю сфагnumа в субстрате увеличивают. Для взрослых растений увеличивают долю корней папоротников.

В одном из своих произведений известный английский писатель-фантаст Герберт Уэллс так рассказывает о человеке, который выращивал орхидеи: «Он возился в своей оранжерейке с углем, кусочками тикового дерева, мхом и другими таинственными аксессуарами каждого, кто выращивает орхидеи. Он считал эти дни преисполненными событий».

Одонтоглоссум большой. Одна из самых красивых и сравнительно неприхотливых орхидей: на ее лепестках очень эффектные полосы.

Действительно, по сравнению с другими комнатными растениями, орхидеи очень необычны и своеобразны. Мы привыкли видеть комнатные растения в глиняных или в пластмассовых горшочках. Наземные орхидеи тоже можно выращивать в пластмассовых горшках. В стенках их делают дополнительные отверстия для доступа воздуха, а на дно помещают слой дренажа из черепков или пенопласти, равный одной трети высоты горшка. Но вы теперь знаете, что многие орхидеи — эпифиты, то есть они растут на стволах деревьев и даже в расщелинах скал. Чтобы орхидеи в комнатных условиях выглядели так же, как в естественных, цве-

тоды выращивают их на кусках коры или на небольших сухих коряжках, которые называют блоками. Растения на блоках выглядят очень оригинально. Плотные кожистые листья, толстые воздушные корни, свисающие вниз, образуют неповторимую картину, напоминающую уголок тропического леса. Они вызывают восхищение у каждого, кто хоть один раз видел орхидею, выращенную методом блок-культуры. Правда, сразу придется оговориться, что выращивать орхидеи на блоках гораздо труднее, чем в горшках. Делают блок из небольшого куска сосновой или дубовой коры. На него укладывают слой субстрата, который плот-

но приматывают мягкой проволокой. Поверх него с помощью капроновой нити, лески или той же мягкой проволоки приматывают растение. Сверху субстрат иногда декорируют еще одним куском коры. Создается впечатление, что орхидея растет на стволе дерева!

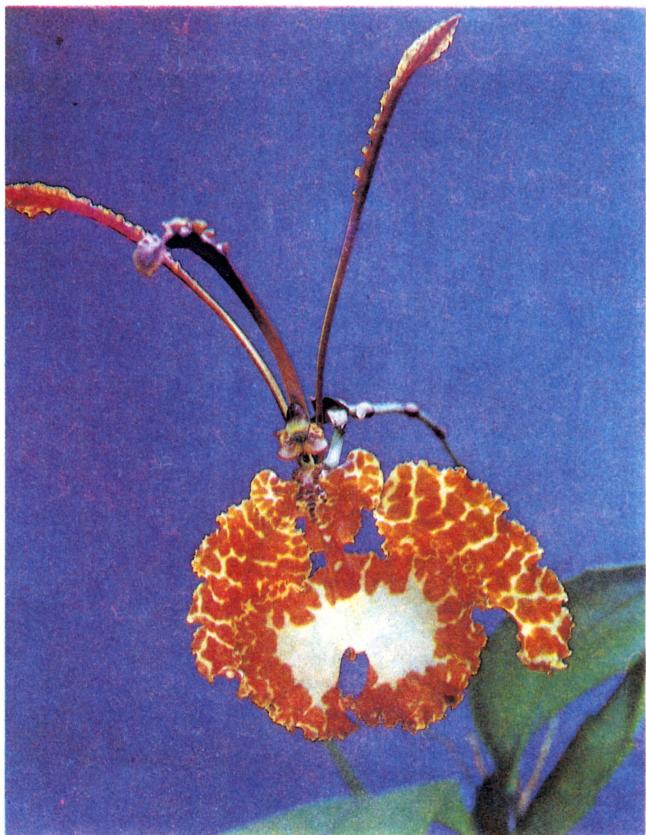
Как же поливают орхидеи, растущие на блоках? Блок переносят в ванную, весь его погружают в воду. Лишней воде дают стечь, подвешивая блок на гвоздь, вбитый в стене. После этого блок переносят на свое постоянное место. Поливая орхидеи, следует помнить правило: гораздо хуже поливать много и часто. Корни ор-

хидей очень чувствительны к избытку влаги. Именно избыточная влага — основная причина гибели цветов. Верный сигнал для полива некоторых видов — сморщивание бульб (утолщенных стеблей). Только что посаженные растения в первую неделю вообще не поливают, а только слегка опрыскивают. На это время их лучше поместить в тепличку или просто накрыть пленкой. В жаркую погоду в утренние часы опрыскивают все орхидеи.

Воду для полива сначала отстаивают в течение суток, затем кипятят и остужают. Многие виды орхидей хорошо растут на подоконнике, обращенном

на южную, юго-восточную и юго-западную стороны. Но среди орхидей есть и такие, которым кроме тепла требуется и постоянно влажный воздух. Это макодесы, анектохилюсы, масdevалии, онцидиумы, дендробиумы и некоторые другие виды. Их следует выращивать в комнатных тепличках или в маленьких приоконных оранжереяках. В них прекрасно чувствуют себя самые капризные и изнеженные особы. Лампы дополнительного освещения помогут восполнить недостаток света, который необходим орхидеям для нормального роста и цветения.

Комнатный термометр для измерения температуры воздуха. Пульверизатор для опрыскивания растений. Книги З. С. Герасимова, И. М. Журавлева «Орхидеи», Е. В. Уварова «Орхидеи в нашем доме», Е. Г. Назарова «Орхидеи», содержащие подробные сведения об агротехнике выращивания отдельных видов и разновидностей орхидей. Все это — неотъемлемые атрибуты каждого человека, который решил заняться выращиванием этих удивительных цветов. Орхидеи относятся к числу наиболее трудно выращиваемых растений, но и среди них, конечно, есть виды довольно неприхотливые. Именно с этих, простых, мы и советуем начинать.

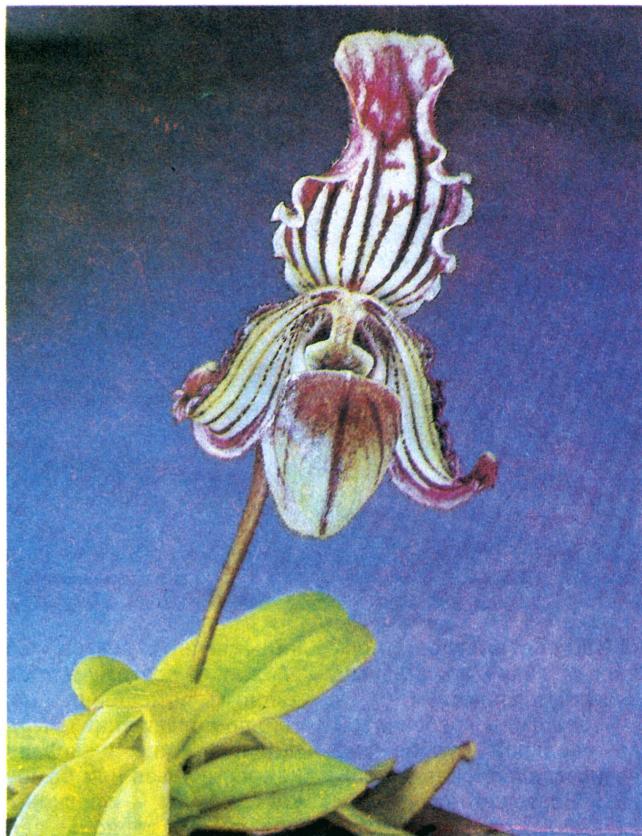

Онцидиум Крамера. Три верхние доли цветка этой орхидеи узкие и длинные, вытянутые в виде усиков, из-за чего весь цветок удивительно похож на бабочку. Он держится, не увядая, около трех недель, затем начинает распускаться следующий бутон.

Пафиопедилум Фэйри. У себя на родине в Индии пафиопедилум Фэйри очень редкая орхидея. Для ее охраны там созданы даже два заповедника.

Вот, например, стангопеи. Они неприхотливы и к тому же необычайно интересны. Цветоносы у них растут не вверх, а вниз или вбок, образуются они у основания бульбы. Пластмассовые горшки для них не подойдут: не будет свободного выхода для цветоноса. Удобно выращивать их в корзинках, сделанных из кусочков дре-весины бук, дуба, сосны или из бамбуковых палочек. Корзинка может быть прямоугольной, квадратной или трапециевидной. Высота не должна превышать 12-15 сантиметров, иначе цветоносы не смогут пробиться через слой субстрата и загниют. Очень красиво выглядят и орхидеи, посаженные на широкие развики сучьев: именно так они растут в природе на деревьях. Стангопеи — светолюбивые растения, но ярких солнечных лучей следует избегать. Летом и осенью, во время роста растения поливают регулярно и обильно, погружая всю корзинку в воду. Зимой, во время периода покоя — увлажняют реже, после того, как сморщатся бульбы. У глазковой стангопеи светло-желтые крупные (10-12 сантиметров) цветки, густо усеянные фиолетовыми пятнами-

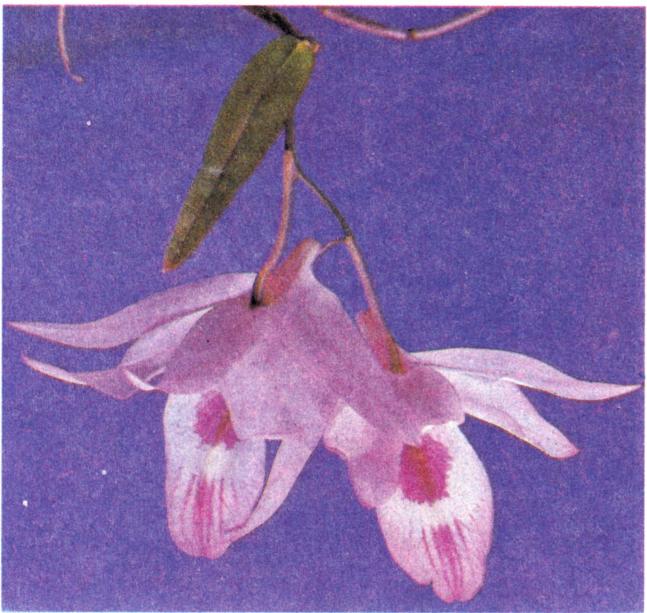
Лелия Гульда. Очень крупные и ароматные цветки Лелии Гульда очень хороши для букетов, они долго держатся в воде. А цветет эта орхидея зимой, в декабре—январе.

глазками. Аромат их очень сильный и приятный. У тигровой стангопеи жел-

тые цветки с темно-пурпурными полосами и пятнами. Они еще крупнее

(17-20 сантиметров) и обладают таким же сильным чудесным ароматом.

У целогинь гребенчатой на овальной бульбе два венчозеленых сидячих листа. Растение это родом из высокогорных Гималаев, где растет у самой гра-

ницы вечных снегов. Содержат ее поэтому в прохладном помещении при сильном освещении. Выращивают тоже в корзинках из прутьев или бамбука. Субстрат — сфагновый мох, торф и дерновая земля (1:1:1) с добавлением

Дендробиум Маккарти. Орхидея-эндемик. Она растет только в Шри Ланке во влажных горных лесах. На родине эту орхидею называют «Весак-мал»: ее цветение совпадает с большим праздником «Весак», отмечаемым в Шри Ланке ежегодно в мае. Во время цветения постоянно чувствуется ее тонкий приятный аромат.

древесного угля (можно добавить еще сухой коровяк). Весной и летом, во время роста растения поливают обильно, зимой в период покоя — изредка, и содержат при температуре 10-12 градусов тепла. С весны до глубокой осени держат целогину на балконе, притеняя от прямых солнечных лучей. В январе — феврале (марте) на цветоносах, отходящих от основания бульб, образуется до девяти ароматных снежно-белых крупных цветков (до 10 сантиметров) с трехлопастной губой.

Один из наиболее распространенных и непри-

«ТИГР» И КОМПЬЮТЕР

А слышали вы о тасманском «тигре»? Оказывается, это всего лишь тасманский сумчатый волк. А еще его называют талацином. Давно-давно он обитал в Австралии, но и сегодня ученые предполагают, что он сохранился по сей день на острове Тасмания. Внешне он похож на обычного волка. Верх задней части туловища полосатый — за эти-то полосы он и попал в «тигры», хотя относится к семейству хищных сумчатых зверей. Его внешнее сходство с высшими млекопитающи-

ми — удивительный пример, как говорят биологи, «морфологической конвергенции». Главная особенность этого волка — сумка на брюхе, открывающаяся не вперед, как у кенгуру, а назад. Ни его шкуры, ни его черепа ученыe в своем распоряжении не имеют.

Последний тасманский тигр умер в 1936 году в зоопарке города Хобарта в Австралии.

С тех пор ни одного сумчатого волка увидеть живым никому не удавалось. Правда, поступали неоднократные со-

общения от людей, которые якобы встречали это «навсегда» исчезнувшее животное в лесах и кустарниковых зарослях родного ему острова. Иной раз об этом заявляли и надежные свидетели, в том числе объездчики местного национального парка. Возникали также слухи о том, что зверя с характерным для «тигра» полосатым задом и хвостом встречали даже в континентальной части страны.

И вот биологи доверили разрешение этой проблемы электронной вычислительной машине. Они разработали компьютерную программу

Аскоценда. Эти великолепные высокодекоративные гибриды, полученные от скрещивания ванды и аскоцентрума.

хотливых эпифитов — дендробиум благородный. Родина этой орхидеи — горы Южного Китая, Вьетнама и Гималаи. Самое подходящее место для нее — прохладное и светлое помещение. Выращивают растение на блоках. Весной и летом растение поливают обильно и подкармливают два раза в месяц слабым раствором кормяка. Чтобы растения зацвели, осенью и зимой их содержат при температуре +10—12 °С. К началу цветения листья у дендробиума наполовину опадают. Недаром французские цветоводы говорят: «Для того, чтобы орхидеи цвели, им необходимы страдания». Во время развития цветоносов и цветения растения поливают часто, затем увлажнение прекращается до появления молодых побегов при

основании отцвевших бульб. Цветки у дендробиума крупные (9 сантиметров), бело-розово-сиреневые, а аромат их меняется в течение дня.

Познакомившись с орхидеями поближе, вы узываете, что у каждой из

них есть свои маленькие секреты. И, может быть, именно вам эти удивительные создания природы раскроют свои еще никем не разгаданные тайны.

Г. КУЛИКОВА
Фото А. Веселухина

«Биоклим» и ввели в память ЭВМ исчерпывающие сведения о местном климате, топографии, степени заселенности человеком и тому подобные экологические данные по всей Австралии. Компьютер сумел точно «предсказать», где и какое животное и растение из ныне существующих здесь встречаются. Компьютер даже правильно назвал основные центры наибольшего разнообразия видов.

Затем ученые собрали все документальные данные о том, где сумчатого волка застрелили или поймали в капкан охотники и фермеры в конце прошлого и начале это-

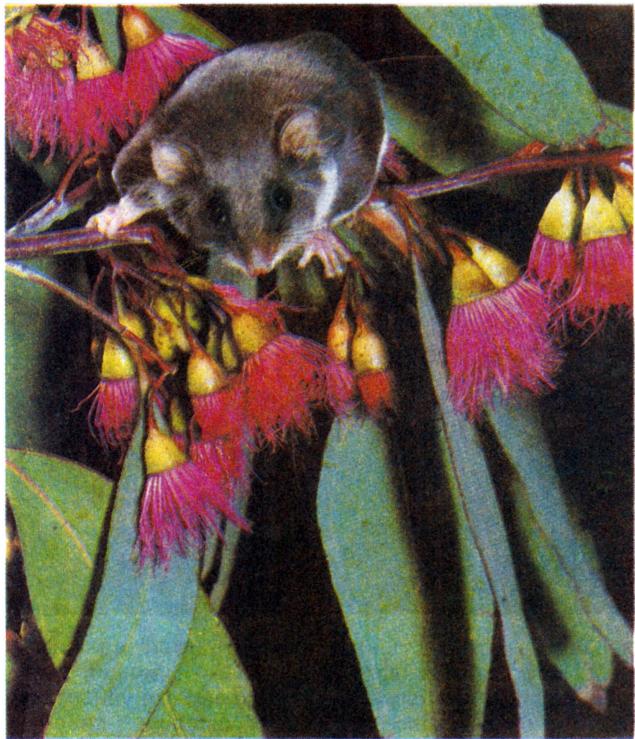
го века (тогда животное считалось грозным губителем овец). По этой информации они получили от ЭВМ точную карту, показывающую, где были расположены для тасманского «тигра» оптимальные, субоптимальные и едва приемлемые условия.

Далее биологи проанализировали данные, свидетельствующие о встрече в Тасмании с этим зверем за последние 60 лет. В результате составленная компьютером карта мест, где сумчатый волк мог бы в принципе обитать, отлично совпадла с районами, в которых его видели после предполагаемого исчезнове-

ния. Вероятность, что такое совпадение возникло случайно, с точки зрения математической статистики, практически равна нулю.

Значит, те, кто сообщал о встрече с тасманским «тигром», как правило, не лгали, и животное еще рано вычеркивать из списка жителей Земли. Как ему удавалось более полувека ускользать от многих фотографов и охотников, не жалевших усилий для встречи с «тигром». Впрочем, острый нюх и особая осторожность этого зверя были известны жителям Тасмании еще в давние времена.

Б. СИЛКИН

СУМЧАТАЯ ЛЕТЯГА

Путешественники по Австралии частенько заявляли, что встречали в джунглях Северного Квинсленда обезьян. Эти «обезьяны» на самом деле оказались сумчатыми животными кускусами из семейства поссумов. Происхождение названия «поссум» любопытно. Капитан Джеймс Кук, открывший в Квинсленде животное этой группы, заметил его сходство с американским опоссумом. Однако в своем отчете о путешествии он случайно пропустил первую букву и вместо «опоссум» написал просто «поссум». Поскольку в систематическом отношении эти две группы совершенно различны, зоологи решили сохранить эту случай-

но возникшую разницу в названиях, и открытых Джеймсом Куком зверьков стали именовать поссумами.

Семейство это очень интересно с точки зрения эволюции сумчатых, так как многие из этих зверьков сочетают черты насекомоядных с приспособлением к древесному образу жизни. У них длинные, цепкие или пушистые как у белки хвосты; некоторые из них, например, полосатые поссумы, способны к планирующему полету. Они лазают по деревьям при помощи своих изогнутых острых когтей и далеко отставленного большого пальца. Пища у них в основном растительная, но некоторые едят и насекомых.

Размножаются они обычно зимой. Понсумы ласковы, легко приручаются и в неволе любят играть с детьми.

Самый крупный из поссумов — кускус. Его мех, мягкий и густой, желтоватый и буроватый, испещрен белыми пятнами у самцов, у самок же более однородная окраска. Уши кускуса очень малы, глаза, наоборот, большие, часто розового цвета, как у альбиносов. Конец хвоста длиной примерно 15 сантиметров, голый и шероховатый, почти всегда скручен спиралью. Как выглядит кускус, вы можете посмотреть в № 8 «Юного натуралиста» за 1992 г.

Сумчатая летяга — карлик среди лазающих сумчатых поссумов — похожа на нашу домашнюю мышь. Длина ее 14 сантиметров, причем половину занимает хвост. Она живет и питается под навесом высокого эвкалиптового леса Восточной Австралии. Когда летяге надо перебраться с одного дерева на другое, она может сделать это по воздуху при помощи хорошо развитой летательной перепонки, натянутой между передними и задними ногами, и балансирующего хвоста.

Короткий мягкий мех сверху серо-бурый, снизу — желтовато-белый, глаза окружены черным кольцом. При сидении летательная перепонка прилегает складками к телу. Зверек этот ночной, питается нектаром и термитами и строит круглое гнездо из листьев эвкалипта. Мать долго «хранит» своих четырех детенышней в сумке. Они редко попадаются на глаза человеку. Чаще всего их приносят в поселок кошки. Говорят, туземцы любят держать у себя в клетках этого изящного зверька.

Е. ИВАНОВА

Записки натуралиста

РЫСЬИ СТРАННОСТИ

Такой это осторожный зверь — рысь, что мало кто даже из промысловых охотников, долгими месяцами одиноко живущих в тайге, внимательно прислушивающихся к любому шороху и присматривающихся ко всякому подозрительному пятнышку или промельку, видел его живым. По зоркости глаза с ним может поспорить разве что орел или сокол, в остроте слуха он сродни слонам и совам. В кромешной темени этот зверь охотится столь же уверенно, что и днем.

И потому самый легкий скрип и шуршание шагов человека или собаки рысь улавливает так далеко, что определить направление их движения да избежать встречи ей ровно ничего не стоит... Нет, не убегает она в страхе или опасениях — просто благоразумно и очень спокойно отходит в сторону, лишь изредка поддаваясь желанию понаблюдать за двуногим существом издалека.

Но любопытство в лесной кошке никогда не берет верх над благоразумной осторожностью, и потому она позволяет пропустить человека неподалеку от себя лишь в том случае, если идет он без чуткой собаки и нет выдающего след снега, зато полно бурелома, валежин и выворотней, в которых рысь-верхолаз как дома, а в гонках даже псу-вражине даст сто очков вперед.

И от собаки уходит спокойно из тех же соображений — не желает связываться с нею, а особенно с хозяином. От пса ей достаточно забраться на дерево и удобно улечься на толстом суку. Даже подремать под яростный брех. Но не обязательно и залезать, она может и смелый бой дать: силы и ловкости ей не занимать, зубы ее остreee собачьих, а круто загнутые, большие, словно в мастерской заточенные когти убийственее зубов.

А насколько умело рысь этим своим оружием пользуется! Видел я раз, как догоняли кота на ненастоком для него оказавшейся попереck пути большой лес-

ной поляне две лайки. Казалось мне: сейчас настигнут и быстро задавят. Но в едва уловимый миг рысь упала на спину и тут же вскоцила, успев распороть брюхо набросившейся на нее собаки. И спокойно пошла дальше, даже не оглядываясь на другую, потому что знала: дух смерти напарника ее остановит, если та и не из трусливого десятка.

Не просто для расширения кругозора юного читателя рассказываю это. Недавно прочитал научную книгу о рыси и подумал: все верно написано, однако не все знает ее автор из того, на что способна его герояня. И вот извлекаю с донышка светлячок памяти о маленькой истории, случившейся на моих глазах когда-то.

Была зима. С напарником по долгому переходу через дремучую сихотэ-алинскую тайгу мы остановились в старом полуразвалившемся зимовье и решили несколько дней в нем постоять, обследуя глухие, завораживающие дикой сурвостью дебри. И в первый же день узнали, что много там было изюбра, кабарги, зайцев, рябчика, соболя... И рыси. По отпечаткам лап разного размера и ширине шага в первом приближении можно было предположить, что живут в этом уроцище три, а то и четыре хищника. Скорее всего семья из родителей и пары великовозрастных. Корма им вполне доставало и потому тесно не было.

Настрелянных за день рябчиков мы связали и забросили на потолок под навес крыши. Там же покоились рюкзаки с походными запасами продуктов и кое-какой экспедиционный инвентарь.

Вечерами мы занимались всякими хозяйственными делами, которых во время таежных походов всегда полно набирается, варили, дневники заполняли, дела минувшие и предстоящие обсуждали, а то и просто «про жизнь» беседовали, пока сон не сморит.

И вот однажды не успели мы потушить свечу и задремать, как услышали с чердака глухой шлепок вроде бы мягко-

го, но в то же время тяжелого падения, от которого чуть скрипнул потолок и тоненько дзиньнуло стекло в окне. Подумали, что рюкзак свалился на бок. Но вот уже что-то шуршит там, ворочается явно живое, и немалого размера.

В голове стремительно пронеслись разные предположения, и замигало высвеченное единственное из множества исключенных: рысь соблазнилась запасами свежей дичи.

Мы накоротко оделись и с фонариками выпрыгнули из зимовья. И в то время когда снимали со стены на всякий случай ружье, с чердака на противоположную нам сторону неспешно упала и тут же растворилась смутная тень... И все стихло. А через несколько секунд мы рассматривали искрящиеся в лучах света совершенно свежие следы рыси, уходящие в крепь кустарника, да слушали удаляющееся шарканье потревоженных веток.

Вся связка наших рыбчиков исчезла тоже.

Поговорили. Поудивлялись совершенно необычайной наглости столь осторожного зверя да и уснули. Чудилось нам, что ночью опять кто-то подходил к избушке, но так хотелось спать...

А утром, уже при ясном свете разгоревшегося восхода солнца, возвращаясь в жилье с охапкой дров и наклоняясь над низкой дверью косяка, я увидел не далее чем в метре освещенную зарю рысью голову, очень спокойно, даже равнодушно меня рассматривающую в самый что ни на есть упор.

Я ничего не успел сообразить, как вполне инстинктивно нырнул в избу, и только закрыв дверь, бросив дрова и выпрямившись, тихо сказал еще подремывавшему другу: рысь. И поднял указательный палец к потолку над головой.

Пока он торопливо одевался, я на всякий случай изготовил фотоаппарат, устанавливая диафрагму и выдержку на минимум света, хотя, честно признаться, выстрел по редкому дорожному зверю привлекал куда больше, чем снимок. И в самом деле: прекрасная шкурка, отличное мясо, полное биологическое обследование туши, череп...

А рысь и не думала убегать, когда два человека вымелькнули из избы и застыли перед нею с изготовленным оружием. Она невозмутимо, определенно

лишь любопытствуя, взирала на нас! И не собираясь отступать! Даже не приподнялась!

Будь она от нас подальше, последовал бы все же выстрел, но стрелять в упор — значит разнести зверя в клочья. А зачем? Я глянул через фотоаппарат, но когда стрелка экспонометра за скучностью света лишь вздрогнула... А теми мгновениями азарт наш пригас и стали мы обстановку анализировать спокойнее.

Рысь была, судя по ее довольно осанистому телу и отрастающим кисточкам на ушах, в начале своей взрослости. Скорее всего, людей она видела впервые, их нравы и сила ей были неведомы. Но ведь инстинкт избегания человека давным-давно в рысьей крови! Он передается по наследству. К тому же просто извечная осторожность никак не должна была позволить хищнику вести себя столь невероятно «легкомысленно».

Коротко обменявшихся мнениями, подумали мы было, что болен зверь, ранен и явился к нам за помощью. Решили поймать его, связать и осмотреть. Но рысь, словно прочитав наши мысли и поняв суть разговора, встала, потянулась, сладко зевнула и... спрыгнула на наши ноги. Пока мы, не в состоянии что-либо понять, ошеломленно глядели на совершенно необычного зверя, он отошел, мягко пружиня шаг, и преспокойно улегся на тропе, все же поглядывая на нас с интересом. Он был, судя по всему, совершенно здоров и полон сил. И сый — рыбчиков ему вполне хватило, чтобы набить брюхо до отвала. Быть может, теперь он, блаженствуя, мысленно благодарили нас за деликатесный харч.

Я и по сей день не понял, чем и как объяснить то абсолютно «нестандартное», совершенно чуждое сильному вольному зверю поведение. Сбий его? Психологическая аномалия? Отсутствие врожденной осторожности?

Много лет с тех пор минуло. За это время узнал я немало рысих странностей: одна бог весть каким путем и с какою целью забрела в Иркутск, другую застрелили почти в центре Хабаровска, третья обосновалась в районном поселке Приамурья... И все равно та встреча с рысью в упор у таежного зимовья более всего удивляет, и нет до сих пор разрешения этому удивлению.

ПТИЧКА-НЕВЕЛИЧКА

Как-то вернулись мы с братом из лесу с полными корзинами грибов и стали наперебой рассказывать старшим, какой большой журавлиный косяк мы видели над нашим полем, как протяжно курлыкали они в сером небе, прощаались.

— Крупные птицы! — восторженно воскликнул Колька.

— Крупные, а вот зиму студеную да голодную осилить не могут, улетают по осени на чужбину, — заметил отец.

Так и разговорились мы о тех птицах, что остаются зимовать в нашей средней полосе. Всех припомнили — и синичек, и снегирей, и чечеток, и свиристелей, и клестов, и поползней, и дятлов. Этих пичуг мы с братом уже хорошо знали и даже различали по голосам.

Вдруг отец спросил:

— Ну, а какая из зимующих в нашей средней полосе птиц самая маленькая?

Тут мы и растерялись. Что за невеличка такая? Меньше воробья, меньше синички?

Когда выпал снег и установился прочный наст, отец взял нас с собою в лес на лыжах. Под пологом хвойных деревьев тихо-тихо, только слышно, как иногда падают с отяжелевших еловых лап снежные шапки. Но вот все вокруг засуетилось, запорхало, запищало. Это пожаловали на кормежку пернатые зимовщики. Немало мы разглядели знакомых нам птиц. Но отец обратил наше внимание на очень маленьких зеленовато-серых птичек, с золотистыми полосками на головках:

— Вот это и есть самая маленькая из наших птиц — желтоголовый королек. Вес пичуги — всего пять-шесть граммов. Такая кроха, а одолевает нашу суровую зиму и чувствует себя неплохо!

Мы с Колькой, прониквшись уважением к сильной духом пичужке, остановились у раскидистой ели и стали наблюдать за корольками. Вот один из них подлетел к колючей ветке и, меша крыльшками с невероятной частотой, буквально завис подле нее в воздухе. Ну прямо колибри да и только! При этом невеличка быстрыми движениями что-то склевывала с хвоинок.

С рассвета до темноты разыскивает желтоголовый королек пропитание: за-

тайвшихся, запрятившихся и оцепеневших от стужи различных вредных насекомых. Невелика пичужка, а польза от нее растениям большая.

Недаром говорят: мал золотник, да дорог.

Ю. НОВИКОВ

ТЕТЕРЕВИНАЯ ТРЕВОГА

Посреди зимы случилась оттепель — мороз поутру неожиданно спал, заморозило. К вечеру ветер переменился и похолодало, снег повалил хлопьями, потом морось стала заморозью, появился гололед, а когда вызвездило, то подморозило пуще прежнего, старожили — и те диву дались: «Ну и заковало!»

Я шел пешком из колхоза на станцию, выбился из сил и заночевал у знакомого учителя Владимира Петровича, бывалого охотника, который жил подле школы, на самом краю села.

Ранним утром слышу тревожный галдеж под окнами. Оделся, вышел на крыльцо. Шумливая ребячья ватага удалялась к лесу вслед за Владимиром Петровичем. Его заячья шапка и новый полушубок желтого дубления отливали на солнце золотистым блеском. Впереди

всех бежала рыжая Лайка, верная спутница Владимира Петровича.

— Эй, дружок, что случилось? — спросил я паренька в ватной телогрейке, догонявшего своих товарищ.

— Тревога! — на ходу ответил он.

— Какая тревога?

— Тетеревина!

С лопатой на плече, он быстро бежал напрямик через сугробы, но ничуть не проваливался в снег — настолько крепким был наст. Сразу после оттепели стукнул сильный мороз, оттаявший верхний слой снега до того смерзся — взрослых выдержит, идешь, как по мосту, только скрип стоит.

Было непонятно, что встревожило учителя и его воспитанников. Может, медвежью берлогу выследили? Тогда почему ни у кого, даже у Владимира Петровича, нет ружья? Зачем понадобились лопаты?

Недолго думая, я поднял воротник и, любопытный, поспешил в лес.

На окружённой березами маленькой полянке происходило такое, чего мне никогда не доводилось видеть: взметая снежные вихри, большущие черные птицы с шумом взлетали из-под ребячих ног, негромко хлопали крыльями, будто пугали всех. Только и раздавалось:

«Шу-ух-порх!, Шу-ух-порх!»

Собака металась то туда, то сюда и заливалась звонким лаем.

Раскрасневшиеся ребята, сбросив полушубки, крошили лопатами наст. Веселые звенели голоса:

— Ого, какой! Довольно спать!

— Эй, Черныш, вылезай из плена!

Обдавая детвору снегом, испуганные птицы тяжело подымались в воздух и, хрустя заинdevевшими ветками, прятались на деревьях.

Оказывается, в зимние вечера, особенно в лютые морозы, стаи тетеревов, наглотавшись мерзлых березовых почек, выбирают укромные полянки, камнем падают с деревьев в рыхлый снег, закапываются и ночуют в снежной спальне: тепло и не дует, а главное — теперь уже не отмерзнет отвисший зоб, очень остывший от ледяной еды.

Назавтра, выспавшись в мягкой постели, черныши взлетают на березы, чтобы полакомиться почками.

Спят птицы чутко. Когда нет наста, они легко выпархивают из глубокого снега. Даже хитроумным лисам, охочим

до вкусной тетеревятины, не всегда дается лакомая добыча. Если впопыхах попадешь на такую полянку, с непривычки жуть возьмет, как под самым носом поднимутся снежные вихри.

«Шу-ух-порх!, Шу-ух-порх!»

Если же сверху образуется твердая корка наста, тетеревам не выбраться из-под снега.

Долго хлопотливый учитель водил своих юных друзей по тетеревиным гостиницам, чтобы вызволить на свободу пернатых пленников. Ребята и сами уже наловчились угадывать, где заночевали косачи: примечай в снегу неглубокие ямки (они хорошо заметны, если не было снегопада) и кроши настовую броню. Поблизости от ямки, сделав в снегу небольшой коридор, наверняка, дремлет затаившийся черныш. И Лайка помогает. Понятливая, она подбегает к ямкам в снегу и лает, предупреждая: «Вот где тетеревина спальня!»

«Чу-фырк! Чу-фырк!» — доносится из березняка.

— Слышите? — говорит Владимир Петрович своим юным помощникам. — Это косачи на своем языке вам говорят: «Спасибо, что из неволи выручили!»

П. ДУДОЧКИН

СООБРАЗИТЕЛЬНЫЕ КУЗНЕЦЫ

От устья речки Каракан до деревни Ерестная дорога идет бором, а по обочине вместе с путниками вышагивают телеграфные столбы. По этой дороге я проезжал десятки раз, а вот прошелся однажды пешочком и впервые то на одном, то на другом столбе стал примечать круглые отверстия с желобами — из тех, что выдалбливают на старых деревьях дятлы. Эти выемки для добывания семян из сосновых шишек кто называет дятловыми мастерскими, кто — кузнями. Вот и под столбами валялись десятки измочаленных вылущенных шишек.

Это что же у вас, лесные доктора, получается, подумалось мне, вредительство какое-то. Не поздоровится столбу, если у него наделать дырок. Будут попадать в них влага, появится гниль. Да и смысл-то какой — долбить крепкие до звона столбы, когда в лесу полно трухлявых сушин? Но тут я обратил внимание на то, что кузни на столбах

уж очень похожи — все обращены к дороге и примерно на одной высоте — под самыми перекладинами для проводов. Да и число отверстий сходится — по четыре! Присмотрелся получше — вон оно что!..

Когда-то провода на этой линии висели на крючьях, что ввинчиваются в специальные отверстия на столбах, потом систему подвески заменили и крючья вывинтили. Остальное было делом крепкого клюва сообразительных дятлов.

Ю. ЧЕРНОВ

ШАПКИ-НЕВИДИМКИ

Ясное утро. Легкий морозец. У края дороги, пересекающей заснеженное поле, будто степной маяк подымается богатырь тополь. На оголившихся ветвях вместо опавшей листвы малахитово темнеют пышные шапки вечнозеленой омелы.

Любопытства ради остановился. Насчитал до десятка шапок и невольно из груди вырвался тяжкий вздох.

— Погубил дерево зловоредный кустарничек!

Конечно, я знал, что омела белая, или «ведьмина шапка», как называют ее в народе, растение полупаразит. Фотосинтез ведет она сама, а воду и минеральные соли высасывает из ветвей дерева, на котором поселилась. В густых сомкнутых лесах омела не приживается,

зато для одиночных берез, дубов, тополей, груш, яблонь, разбросанных по дорогам и околицам сел лесостепной зоны, она неумолимый бич.

И вот, чтобы попристальней разглядеть эти шапки мифической бабы- ведьмы, подступаю к тополю поближе.. Шаг, второй... пятый... десятый... И вдруг, словно взыгравший вихрь, из травяной ветоши взлетает и усаживается на ветвях дерева чуть ли не сотенная стая полевых воробьев. Тут же начинается шум, галдеж, невесть из-за чего вспыхивают яростные потасовки.

Две, три минуты — и стоп. Вроде бы по чьей-то команде скандальные баталии обрываются. Задиристые пичужки моментально бросаются к кустам омелы и исчезают там, будто под сказочной шапкой-невидимкой. В то же время в небе раздается пронзительный крик: «Кью-кью-кью!»

Туда-сюда с молниеносной быстротой мелькает крылатая тень и на вершину тополя опускается помельче голубя буровато-серый, с рыжими полосками, злайший враг воробышевого племени ястреб-перепелятник.

Пернатый разбойник озирается вокруг. Чутко прислушивается. Что за диво? Здесь же только-только табунились воробы. Охота, наверняка, могла быть удачной. Куда же они исчезли? Ни единой живой души, ни малейшего звука кругом. Обождав немного, ястребок улетает. А ватага сметливых воробьев дружно падает из омеловых шапок под кусты боярышника, и опять, как ни в чем ни бывало, шумит неугомонная воробышевая ярмарка.

Вот так-то. И теперь меня уже не столько удивляло коварство вечнозеленой омелы, сколько поражала сообразительность воробьев, превративших ее зловоредные чары в настоящие шапки-невидимки.

РУСАЧИЙ СЛЕД

До полуночи неуемно буйствовала метель-выuga. Потом небо вызвездило. Ветер утихомирился. Мороз ослаб. Наступила оттепель.

Утром вышли мы с пасечником Кузьмой Романовичем на крыльцо. Батюшки! Снегу-то сколько навалило. Вокруг хаты голубые хребты сугробов под самые стре-

хи поднялись, а рядом, за околицей села молодой дубняк и вовсе с чистым полем сравняло.

Пригляделись. Что за диво? Там и сям по свежему намету зайцы-русаки будто хороводы водили. С трудом выбрались на задворье. Все понятно. Возле хлевушки, который пристроен вплотную к хате, наметен стожок духовитого сена. Ну, а туда, где в зимнюю ночь сеном пахнет, косые, как известно, вроде бы на гульбище сбегаются. Вот и здесь их побывало, видать, не меньше десятка.

— А то что значит? — показываю на крышу.

Пасечник поднял мохнатые брови. От изумления ахнул.

— Ах, шалопуты! Стало быть, пока мы в постели нежились, зайцы над нашими головами перепляс устраивали.

Немыслимо. Но это так. Заячья тропа тянулась по гребню сугроба на хлевушок, а дальше по соломенной крыше — к печной трубе.

— Интересно! — пожимаю плечами.— Зачем? Какая же необходимость толкнула их туда?

— Любопытство! — отвечает пасечник.— Да, да! Сплошь и рядом мы утверждаем, что заяц трусливый. Но в самом деле — нет! Не труслив, а весьма осторожен. Наряду с тем он ловок, смышен и отчаянно любопытен. Этот симпатичный зверек превосходно понимает, когда надо ему лежать неподвижным пластом, но коль требуется, то так запутает свой след, что его не распутает целая свора гончих собак. Если во времяочных прогулок косого не беспокоит никто, значит, будьте уверены, он, не обращая ни малейшего внимания на брех дворняжек, непременно околосит все деревенские закоулки. Посетит скотоферму, проверит амбары, потопчется возле колодцев, а коль подвернется случай, то, как видишь, не прочь и на крышу взобраться.

Правду ли сказал Кузьма Романович? Сомневаетесь? Ну что ж, проверить не трудно. Побродите хоть раз на сельских задворках по свежей пороше следом косых. Поинтересуйтесь, где они были, куда заглядывали, что на зуб пробовали и вы воочию убедитесь, до чего же эти сказочные зверьки пронырливы, смелы и любопытны.

П. СТЕФАРОВ

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Е. Солдаткин. Родичи динго	1
Лесная газета	6
Оказывается	12
Н. Сладков. Поющие перья	14
Очей очарованье	22
В. Иванецкий. Аппа-аппа! Урр-урр!	18
Клуб Почемучек	24
И. Акимушкин. Муравьевое хлебное дерево .	34
Г. Куликова. Застывший полет	36
Б. Силкин. «Тигр» и компьютер	40
Записки натуралиста	43

НАША ОБЛОЖКА:

На первой странице — сумчатая летяга; на второй странице — волк (фото Г. Смирнова); на четвертой — орнамент змениной кожи.

В номере использованы фото из журналов «National Geographic» и «Audubon»

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор Б. А. ЧАЩАРИН.

Первый заместитель главного редактора, редактор отдела писем и массовой работы Л. В. САМСОНОВА.

Заместитель главного редактора, редактор отдела науки Е. М. ИВАНОВА.

Ответственный секретарь М. Н. ОСЕННОВА.

Редактор отдела юннатов Э. А. БАЙДАШИНА. Литсотрудник Ю. В. КРАСНОЩЕКОВ.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 24.12.92. Подписано в печать 29.01.93. Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 3,9. Усл. кр.-отт. 16,9. Уч.-изд. л. 4,8. Тираж 219 000 экз. Заказ 1605;

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Министерства печати и информации Российской Федерации.

142300, г. Чехов Московской области.

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юный натуралист».

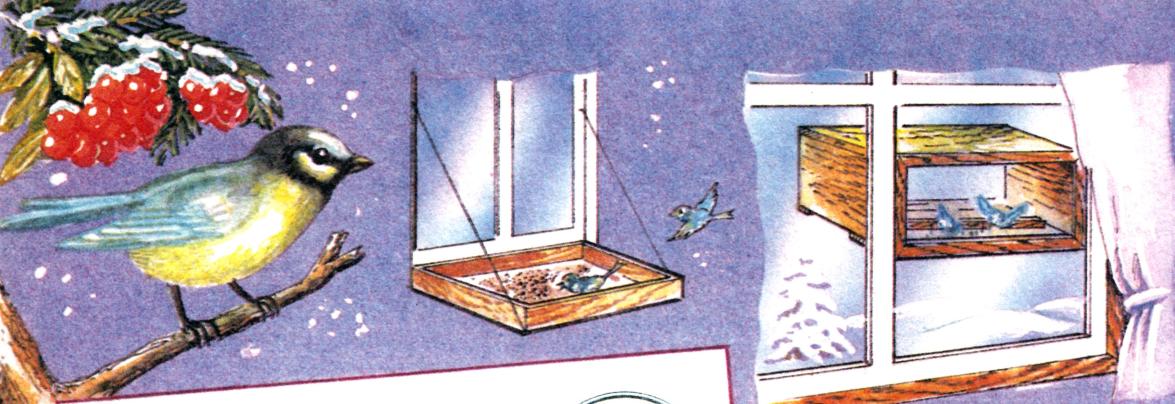
Журнал издается при финансовой поддержке Министерства печати и информации Российской Федерации.

«Юный натуралист», 1993, 1—48.

Телефоны: 285-89-67

Наш адрес:

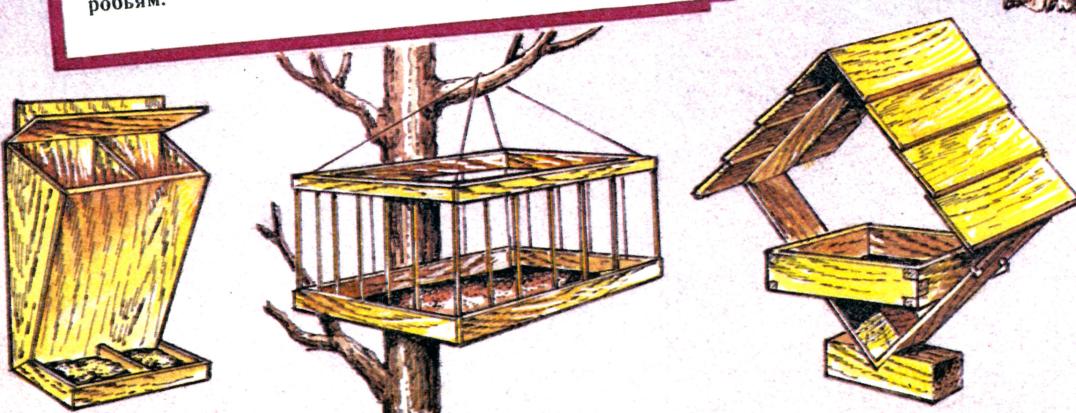
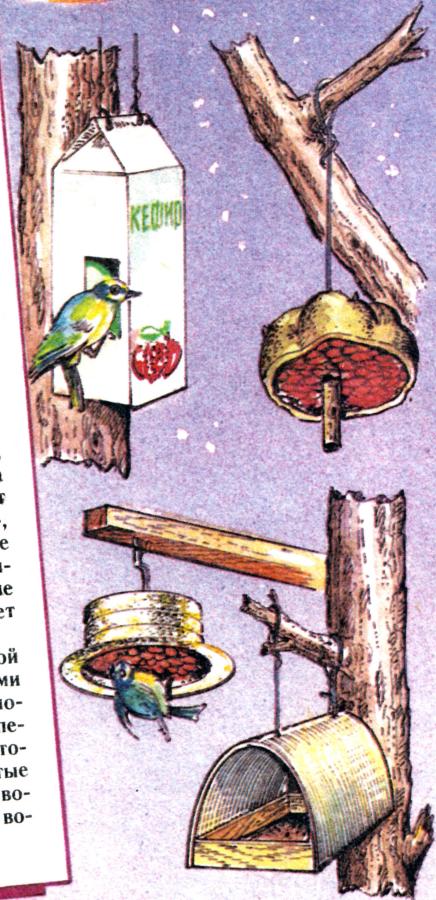

Вы замечали? Перед сильными морозами возле домов появляются синички и даже снегири — птицы словно ищут защиты и поддержки у людей: в холода пернатые особо нуждаются в кормах.

Им нетрудно помочь, даже не выходя из квартиры, устроив за окном простейшие кормушки. Дощечка или фанерка с бортиками из реек, коробка или пакет из-под молока... Но лучше — подходящий (например, посыпочный) ящик, у которого две противоположные стенки отсутствуют или застеклены — тогда и корм защищен от осадков, и вы сможете любоваться прилетающими птицами, наблюдать за пернатыми гостями в окно.

А на площадке у дома, в кустарнике или палисаднике, птички столовые можно соорудить более капитально, но тоже из подручных материалов. Днище от овощной тары, накрытое листом рубероида (фанеры, металла); или два таких же яичника: один, поставленный на угол, станет рамой конструкции, другой, горизонтальный — «столом», над которым — крыша из обрезков досок... Более умелые смогут соорудить кормушку-автомат. У ее дошатого яичника передняя стенка внизу приближена к задней и не доходит до днища: в образовавшуюся щель корм будет сыпаться сам, по мере расходования.

Но вот на дачном или садовом участке с подкормкой птиц нужно быть осторожным: привадите угождениями воробьев — весной их стайки поклюют молодые почки и посевы на грядках. Поэтому предпочтительны здесь «специализированные» кормушки: с прутьями, между которыми пролезут только синички. Подвесные перевернутые баночки с жиром или штыри с наколотым салом и овощами — подобные качающиеся кормушки недоступны воробьям.

Индекс 71121

Перед вами орнамент змеиной кожи. Точнее, чешуя, расположенная продольными и диагональными рядами. Обычно передние чешуйки слегка налегают на задние. Между ними участки тонкой и мягкой кожи, собранные в маленькую складку, скрытую под чешуей. При заглатывании крупной добычи продольные ряды роговых чешуй расходятся, кожистые складки расправляются и тело змеи сильно увеличивается в поперечнике.

